

ДМИТРИЙ БИЛИК

УНИКУМ

ТАЙНАЯ ДВЕРЬ

Дмитрий Александрович Билик

Уникум. Тайная дверь

Серия «Уникум», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66817078
Уникум. Тайная дверь: 1С-Публишинг; Москва; 2021*

Аннотация

Максим Кузнецов – сирота и живёт с отчимом. Он обычный подросток, но однажды к нему приходят люди из МВДО. За обманчиво знакомой аббревиатурой скрывается служба, надзирающая за магией. У Максима зафиксирована сильная вспышка магических способностей. Он уникал, и ему предстоит обучаться в магической школе. А там всё не так просто, взять хотя бы местную золотую молодежь, которая совсем не рада выскочке. Но ещё больше напрягает подростка то, что кто-то ведёт охоту на уникалов и они таинственным образом погибают. Максиму предстоит оказаться в самом центре этих событий. На то он и главный герой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	21
Интерлюдия	37
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	70
Глава 6	83
Глава 7	97
Глава 8	110
Глава 9	124
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Дмитрий Билик

Уникум. Тайная дверь

Пролог

Сухой щелчок пальцев нарушил убаюкивающую тишину. Даже муха, сидевшая на настольной лампе и морально готовившаяся к приближающимся холодам, взлетела, но, описав небольшой круг, села обратно.

Жилистый старичок недовольно покосился на нее, пошуршал газетными листами и щелкнул пальцами еще раз. Ничего. Семен Константинович Шихман (так звали старичка) нахмурился, помял переносицу, которую натирали большие очки в роговой оправе, и перелистнул страницу.

Как человек опытный, он понимал практическую бесполезность своей работы. По осени сила уже почти не проявляется, не выплескивается. Повелось так. Будто подвластная человеческой круговерти, она фонтанировала весной, уже более спокойно выказывалась летом, но чтобы осенью... Случаи были настолько единичными, что их запоминали надолго.

Газетный лист, шурша, лег на потертый стол, а старик щелкнул пальцами еще раз. Машинально, чуть позевывая. Однако тут-то все и случилось. С пальцев сорвались синие

искры и посыпались на страницы «Вечернего вестника». Настольная лампа мигнула, а несчастная муха, поняв, что не будет ей здесь покоя, с недовольным жужжанием улетела на шкаф.

Сам Семен Константинович с учащенным сердцебиением стал читать короткую заметку в рубрике «Происшествия»:

«...На улице Гагарина произошло частичное обрушение крыши, вследствие чего пострадал гражданин Н., 1978 года рождения. Прибывшие медики констатировали перелом ключицы. По данному факту возбуждено уголовное дело по статье 118 УК РФ...»

Дочитывать все это крюкотворство Семен Константинович не стал, уже ухватив суть. Объектом поиска гражданин Н. быть не может. Слишком стар для неинициированно-го. Значит, все дело в обрушении. И тогда получается, что некто, в ком проснулась сила, решил этого гражданина Н. убить?

Еще четверть часа назад старик грустил, но теперь его словно подменили. Шихман дрожащими от волнения руками сложил газету на нужной ему странице и побежал в архив. Здесь было на удивление пусто. Семен Константинович, будучи запертым в своем мирке, вновь все пропустил – еще утром пришла разнарядка сверху усилить оцепление очередных привозимых мощей. Народу катастрофически не хватало, поэтому привлекли несколько магов даже из их ведомства.

Но старику так было даже лучше. Вихрем он ворвался в отдел «Возможных неиницированных», нашел в картотеке нужную улицу и принялся рыться в папках. Подростков было много, но Семен Константинович по старому опыту сразу стал просматривать дела тех, кто жил в магических семьях. Сопровождал он это все знакомым щелканьем пальцев. И каково же было его удивление, когда все дела оказались пустышкой.

Значит, не Рожденный. Следом Шихман стал изучать семьи «упоминаемые» – в них маги появлялись время от времени. Могли через поколение, а бывало, что и через века. Хорошо, что старик и ему подобные, которых и набирали в Департамент, да и вообще в Министерство просвещения, к работе относились серьезно. Документацию они вели скрупулезно, с большой долей занудства. Но и тут никого не оказалось.

И не Проснувшийся. Старик сел на свободный офисный стул и вытер со лба проступивший пот.

Оставался только один вариант, и Шихману он категорически не нравился. Семен Константинович все еще надеялся, что ошибся. Да, первый выплеск обычно происходит рядом с домом, но что если неиницированный нарочно пришел на место преступления?

Чем дальше Шихман листал дела немагов, тем больше успокаивался. Да, так, наверное, и есть. Показалось. Обычно ты или Рожденный, или Проснувшийся. А третий вариант,

аномальный, встречается крайне редко.

И когда Семен Константинович почти убедил в этом себя, при очередном щелчке с пальцев вновь сорвались синие искры. Только теперь они, будто подхваченные ветром, сначала пролетели над газетой, а потом осыпались над черно-белой фотографией. На него смотрел худой мальчишка с острым подбородком, темными волосами и пронзительными, будто кричащими, глазами. Тот, в семье которого никогда не было магов. И тот, кто мог стать им сам. В первом поколении. Точнее, уже стал. Другими словами – Уникум. И еще, возможно, несостоявшийся убийца того самого гражданина Н.

Старичок достал телефон с крупными кнопками (такие телефоны у продавцов именовались «пензионерскими») и непривычно быстрыми движениями набрал номер.

– Павел Сергеевич, у нас ЧП.

Глава 1

Громкая трель дребезжащего звонка разорвала царившую в квартире тишину в ключья. Я невольно вздрогнул и пролил на пол сладкий чай. Вот ведь зараза... Надо бы протереть сразу, пока не высохло. Интересно, кого это там принесло?

Открывать я не собирался. Кто это может быть? Кто-то из соседей, с которыми мы давно перестали даже здороваться (спасибо отчиму)? Или «проверяющие» из различных псевдогазовых служб, что тоже вряд ли будут долго настаивать на общении? А может, очередной фермер привез картошку и теперь пытается сбавить ее по бросовой цене, обзванивая квартиры? Хотя они обычно пользуются домофонами. А тот у нас отключен за неуплату.

Но этот некто не унимался. После короткого перерыва звонок зазвенел вновь. Как раз тогда, когда я уже достал тряпку из-под ванной. Таким макаром они, чего доброго, дя-дю Колю разбудят. А этого делать категорически нельзя. По крайней мере, в его нынешнем состоянии – опасно. Я тихо подобрался к двери и взглянул в глазок.

Их было двое. Старик и молодой мужчина. Первый, в жутком светло-сером плаще из каких-то непопулярных советских фильмов, держал под мышкой газету и периодически поправлял массивные очки. Он напоминал забытую в холодильнике свеклу – сморщенный, сухой, даже неприятный.

Зато спутник был его полной противоположностью. Высокий, статный, словно сошедший с обложки какого-нибудь журнала мужской одежды. Такие же есть, наверное? Не знаю, я подобные издания не читаю.

Но то, что незнакомец был красив – это факт биологический. Черные смоляные волосы ровно зачесаны набок, зеленые глаза лучились любопытством, а рот чуть искривлен в довольной улыбке. Чему, спрашивается, он тут радуется?

И тут я понял все. Меня даже бросило в дрожь, а в горле запершило. Да так сильно, что я чуть не выдал свое присутствие кашлем. Из школы пришли. Еще бы, я дня четыре там не появлялся. И Лариса Константиновна послала этих справиться обо мне. Нет, она женщина хорошая, и подругой маме была отличной, но вечно лезла не в свое дело.

Хотя у меня возникли определенные сомнения. Если этот старик еще походил на какого-нибудь учителя с протертыми от долгого сидения штанами, то черноволосый под мою характеристику не попадал. У него одежда явно дорогая, будто специально под него подогнанная. Везет же, на мне все обычно колом стоит. Так вот, если он и имел отношение к образованию, то был как минимум из какого-нибудь министерства.

– Максима Кузнецова могу увидеть? – черноволосый обратился к двери, но смотрел именно в глазок. – Я по поводу обрушения крыши тридцать седьмого дома.

А вот теперь в груди похолодело. Как они узнали? Каме-

ры? Во дворе их вроде не было. Увидел кто? Вот это уже более вероятно. Сердце затрепыхалось в груди, словно пойманная птица.

Я ведь уже и думать об этом почти забыл. Вроде привиделось. Списал все на расшалившуюся фантазию. Нет, конечно, сломанная рука дяди Коли никуда не делась. Но я почти себя убедил, что никакого отношения к этому не имею. Просто стечение обстоятельств, не более. И вот теперь...

– Максим, открывай, – уже мягче сказал незнакомец, – или мы будем общаться через дверь, чтобы все соседи слышали?

Мама, когда была жива, говорила не открывать дверь чужим, но сейчас лучшее, что я мог сделать, – послушать визитера. Дрожащими руками я повернул замок и стянул цепочку.

– Так-то лучше, – улыбка не сходила с лица черноволосого. Он посмотрел на тряпку у меня в руках и покачал головой. – Раньше встречали с хлебом и солью.

И что странно, мне показалось, будто улыбка искренняя. Словно он действительно рад меня видеть. Вместе с этим незнакомец шагнул на порог, заходя в квартиру и одновременно оглядывая наши несвежие и потускневшие обои. Мы их клеили с дядей Колей года четыре назад, чтобы сделать сюрприз маме. Сколько с той поры воды утекло...

– Привет. Меня зовут Павел Сергеевич Четкеров, а это Семен Константинович Шихман, – указал он на старика. –

Мы из Департамента образования Министерства просвещения.

– Откуда? – я совсем растерялся.

– Неважно, – сказал Четкеров (забавная фамилия, ее хотелось даже произносить вслух, словно пробуя на вкус).

Визитер небрежно взмахнул рукой, будто это и в самом деле была какая-то чепуха.

– Мы хотели бы поговорить с тобой по поводу крыши.

– Какой крыши? – сипло спросил я, понимая, что в горле пересохло.

– Все ты знаешь. Семен Константинович, как там?

Старик развернул газету на заложенной странице и монотонно загнул савил:

– Так-так-так... Вот. «...Произошло частичное обрушение крыши, вследствие чего пострадал гражданин Н., 1978 года рождения. Прибывшие медики констатировали перелом ключицы».

– Гражданин этот, как я понимаю, Никифоров Николай Дмитриевич, – оборвал старика на полуслове Павел Сергеевич. – Твой отчим.

– Ну да... – только и смог выдавить я из себя.

– Отсюда вопрос. Почему крыша дома вдруг решила обрушиться на голову твоего несчастного отчима, когда он заходил в подъезд? Не ваш, кстати. Иными словами, зачем ты его хотел убить?

Вот тут я не нашелся что сказать. Просто стоял, хватал

ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и мотал головой.

– Семен Константинович, – снова обратился к спутнику брюнет.

Старик пристально посмотрел на меня и щелкнул пальцами. И вот тут произошло странное. Возле его пальцев появилось множество крошечных синих крупинок, что осыпались сначала на газету, а потом устремились ко мне. Константиныч довольно сложил руки на груди, а брюнет удовлетворенно кивнул.

– Это что такое? – спросил я.

– Называй как хочешь. Биолокация, радиэстезия... Да какая, собственно, разница, как назвать? Семен Константинович читает газеты, ищет нечто странное. В этом он спец. Тебя вот нашел. Ну так что, рассказывать будем, как все было?

К горлу подкатил ком, а на глазах выступили слезы. Ну разве я виноват, в самом деле, что начала происходить это чертовщина?

Я посмотрел еще раз на молодого незнакомца – этого, как его, Четкерова, – всхлипнул и начал рассказывать:

– Не хотел я его убивать. Думал, ногу сломает. Дома будет, перестанет ходить пить к другу своему.

– Ясно, – выдохнул Павел Сергеевич. – Семен Константинович, заполните рапорт, сославшись на первый выплеск силы, трудности овладения. Ну, вы знаете. Парнишка вполне адекватный.

– А что теперь будет?

– Да много чего, – улыбнулся черноволосый. – И давно с тобой это?

– Может, с месяц. Но я не замечал сразу, а потом, когда...

– Понятно. Начал понимать, что это не случайно.

– Ага.

– Августовский, значит, – как-то одобрительно пробурчал старик, будто бы даже самому себе.

– Хорошо, собирайся, – кивнул Четкерев. – Из вещей брать белье, штаны, пару футболок, кофту обязательно. Остальное выдадут.

– А куда меня теперь, в тюрьму?

– И на Колыму, – улыбнулся черноволосый. – Давай быстрее. Семен Константинович, обратно вернемся – вы заявку на сопровождение подайте.

– Так все в оцеплении. Мощи же привезли, – ответил старик.

– Вот ведь, – нахмурился черноволосый. – Значит, придется самому. Хотя так даже лучше. Максим, чего стоишь, собирайся.

Сам он задумался лишь на мгновение, посмотрев сначала на свои начищенные ботинки, а следом на наш затертый линолеум. Обувь снимать брюнет не стал. Прошел прямо так, одетый, в дальнюю, самую большую комнату, где спал отчим. Я замешкался на несколько секунд, недоуменно глядя на старика, а после рванул следом. Картина передо мной предста-

ла довольно странная.

Добудиться до дяди Коли, когда он был «выпимши», — делодохлое. Я знаю, не раз пробовал. Поэтому поза отчима на диване меня довольно сильно смутила. Дядя Коля сидел на смятом шерстяном пледе в клетку, будучи в весьма собранном состоянии, точно его вызвали на работу и он попытался мгновенно протрезветь с помощью марганцовки. Я, к сожалению, знал, как это бывает.

Отчим вполне осознанно смотрел на незнакомца. Если быть точнее, впился в него взглядом, ловя каждое слово. Будто перед ним был как минимум божественный посланник, несущий истину. Хотя брюнет говорил обычным, скупающим голосом:

— Пить станешь меньше. Выпивать можешь, но только по выходным. И не до полной отключки. С корешами своими общаться перестанешь. Сын твой... — Павел Сергеевич скривился, мельком глянув на меня, и сам себя исправил: — ... пасынок прошел конкурсный отбор в футбольную академию «Краснодара». Теперь будет жить и тренироваться там, все понятно?

— Так он же в футбол не особо... — медленно протянул отчим.

Находился он в некоем состоянии, очень похожем на транс. Собственно, неудивительно. Не знаю, что там брюнет с дядей Колей сделал, но это явно тянуло на Нобелевскую премию в области медицины. Потому что еще полчаса назад

отчим был мертвецки пьян.

Но вот уточнение оказалось весьма своевременным. Нет, в футбол я, конечно, иногда во дворе играл. Однако получалось именно так, как выразился отчим. «Не особо». Может, все дело в природной неловкости или в плохой реакции. Кто ж его знает?

– Данные хорошие. Хотим попробовать на вратаря.

– Это да. Максим мальчишка у нас рослый.

У меня в горле встал ком. Отношения у нас с отчимом были хорошие. А при жизни мамы – так вообще замечательные. До того, как дядя Коля начал пить.

– На том и порешим. Работай, квартиру в порядок приведи. Макс тебе будет изредка звонить. В Краснодар приезжать не надо. Это лишь отвлекает. На каникулах он сам вернется. Понял?

– Понял, – спокойно ответил дядя Коля, по-прежнему не шевелясь.

– А теперь спи, – брюнет коснулся лба отчима, и тот тут же рухнул, как срубленное дерево.

– С ним все в порядке? – спросил я.

– Нет, конечно. Пьяный как сволочь. Вот ведь здоровье у человека. Я бы уже умер.

– Я не про то. Что вы с ним сделали?

– Дал небольшое внушение с добавлением... своих способностей. В ближайшее время придет в порядок. В относительный... Пить, конечно, не бросит, но до такого скотского

состояния себя доводить не будет. Он где хоть работает?

– На стройке. Электромонтер. А нельзя было сделать так, чтобы он вообще пить бросил?

Брюнет подошел ко мне, положил руку на плечо и посмотрел в глаза. Лицо у него было доброе. Но все портил взгляд. Холодный, оценивающий, точно тот сейчас что-то просчитывал в своей голове.

– Нельзя, – сказал он. – Небольшое внушение – это одно. Оно полностью проблему не решает. Если человек сам не хочет, то ты хоть сколько в него энергии влей, только хуже выйдет. Понимаешь?

Если честно, я не понимал. Этот незнакомец всего каких-то пять минут находился в нашей квартире, а уже все с ног на голову перевернул. Про крышу рассказал, дядю Колю «пробудил», загипнотизировал его, еще фокус с искрами показал. Хотя нет, это был другой, старый.

Очень уж парочка казалась похожей на обычных мошенников. Сейчас кто только по домам не ходит. Но я ведь правда ту крышу свалил. Ну или не знаю, как сказать правильно. Долго смотрел, примеривался, потом будто глазами выстрелил, а она вдруг возьми и рухни. А этот брюнет взял и со мной все связал. Как, спрашивается?

– Ты сомневаешься, – сказал лощеный незнакомец. – Это абсолютно нормально. Позволь тебе показать кое-что.

Брюнет вытянул руку вперед ладонью вверх. Едва он пошевелил пальцами, как воздух вокруг них будто бы начал

уплотняться. Не прошло и нескольких секунд, как на ладони брюнета уже плясал крохотный ручной смерч. Вот уж действительно чудеса.

– Не бойся, – сказал волшебник.

Теперь я почти не сомневался. Можно много всяких фокусов показать, но чтобы такое... Более того, Четкеров свободной рукой предложил мне дотронуться до его вихря. Ну или попробовать.

Я бережно вытянул ладонь, приблизил ее и испуганно охнул. Все произошло слишком быстро. Смерч в мгновение ока вырос, точно огонь, попробовавший вкус бензина. Вихрь становился неуправляемым. Он уже качнул нашу псевдохрустальную люстру и сорвал кусок обоев. Последние не жалко, их давно надо было переклеить.

Но самое главное – я его чувствовал. Будто находился в эпицентре урагана. Непередаваемое ощущение всемогущества нахлынуло на меня и поглотило полностью. Вот только управлять смерчем не очень получалось. Если быть честным, вообще не получалось.

– На меня смотри. Не напрягайся!

Голос брюнета прозвучал словно издалека. Но я услышал. Зацепился за него, как за спасательный круг, и стал выбираться наружу. А когда звуки вернулись, то и вихрь утратил свою силу. Он так же плясал на ладони Павла Сергеевича, однако был намного спокойнее. Маг из Департамента образования (если он не врал) перевернул руку – и смерч исчез.

– Еще нужны доказательства или обратимся к стихии Огня? – спросил он. – Вон тот пылесборник может замечательно подойти.

Его рука взметнулась в сторону старого ковра. Даже не маминого – бабушкиного. Сколько помню ее, все время причитала, что копили они на машину, а купили ковер. Только кто разберет, что бы это значило?

Но портить «пылесборник», как назвал его брюнет, я не дал, отрицательно замотав головой.

– Максим, мы теряем время. Собирайся и поедем.

Голос Четкерова был холодный, тон непререкаемый. Я только теперь понял, насколько силен этот молодой красавец. Почувствовал, что ли? Вон тот старик в прихожей, который за это время не произнес ни слова и выступал в качестве мебели, – слабый. Так, мелкая сошка. Хотя его я тоже опасался. Мало ли чего от этих товарищей можно ожидать?

Но приказ брюнета обсуждению не подлежал. Я пошел к себе в комнату и стал рыться на полке, пытаюсь среди груды сваленной без всякого разбору одежды найти нужную. После уже сбегал на кухню. Сумки у меня не было. Ее заменил большой пакет из супермаркета, на котором красовалась птичка. Это даже хорошо, что вещей не много.

– Пойдем, – скомандовал Четкеров, заметив, что мои приготовления закончены.

Я с замиранием сердца закрыл дверь на ключ. Будто не надеялся вернуться. Парочка смотрела на меня спокойно. Дей-

ствительно, для них, наверное, подобное вполне себе норма. Пришли, ошеломили всякой магией, теперь везут куда-то.

Боялся ли я? Конечно. Но не их. Хотели бы – прямо здесь какую-нибудь гадость устроили. Старик же с таким лицом стоит, словно сам меня боится. Я больше опасался будущего. Того, что должно скоро произойти. Ведь не просто так со мной случилась эта чертовщина. Или маговщина. Жил себе, проблем не знал.

Так или иначе, эти самые маги оказались серьезными людьми. Это я понял по здоровенному черному внедорожнику, который пиликнул и моргнул фарами, стоило Четкерovu поднять руку с брелоком сигнализации. Я такие авто только в фильмах про бандитов видел. Ну или на дороге издали.

– Вот ведь стервецы, – усмехнулся брюнет, сорвав объявления у подъезда. – Семен Константинович, маякните оперативникам в МВДО. Гремлины совсем распоясались.

– Кто? – удивился я.

– Гремлины. Лет пятьдесят назад они в наши широты даже не совались. А теперь вон оно что, глобализация. Раньше механизмы исключительно портили, ныне переквалифицировались, смотри, взламывают. Только где они тут замки нашли?

Он протянул сорванный листок, а я успел пробежать по нему глазами:

«ВзЛом зАмКов люБоЙ СлоЖНасТи. ЗВониТЬ нАм».

– Вперед садись, – кинул мне на ходу брюнет. – Пакет свой

назад кинь. Семен Константинович, я уникаму отвезу до места учебы. А вы уж, будьте любезны, подготовьте рапорт. Таковой, чтобы в нем все...

– Без особых неприятностей было. Первый всплеск, – закивал старик. – Я тогда пойду?

– Да уж до Департамента я вас докину. Садитесь.

Константинович закричал, забираясь внутрь. Да, машина и впрямь была высоковата. Правда, я уселся довольно быстро. Разве что сильно хлопнул дверью, да так весь в кожаное сиденье и вжался. Не привык к такой роскоши. Но Павел Сергеевич даже внимания не обратил. Лишь сказал, заводя:

– Пристегнись. Магия магией, а есть вещи, которыми пренебрегать не нужно.

– И далеко мы поедем? – спросил я, разглядывая люк из затемненного стекла. – Действительно в Краснодар, что ли?

– Нет, но проехать придется изрядно. В место, которое станет твоим домом на ближайшие несколько лет.

Глава 2

Раньше музыка была частым гостем в нашем доме. Мама включала пузатый «Бумбокс», ставила один из дисков и порхала по квартире, убираясь. Я сидел на диване, смотрел мультики, но голос солиста А-На мне совершенно не мешал. Нога в шерстяном носке сама притопывала во время припева:

«Take
On
Me,
Take on me.
Take
Me
On,
Take on me».

Резкая встряска – и комната вместе с телевизором на мгновение пропали. А когда видение вернулось, то стало мутным, ненастоящим. От повторной кочки я уже и вовсе открыл глаза. Машина, откинутое кресло, в салоне негромко играет норвежская группа.

– Отвратительная дорога. – Четкеров заметил, что я проснулся. – Того и гляди, подвеску где-нибудь оставлю.

– Можно так не гнать? – попросил я.

Брюнет ничего не ответил, но скорость снизил. Сколько мы ехали? Вырубило меня часов в одиннадцать вечера, а сейчас уже новый день.

– Недолго осталось, – Четкеров будто прочитал мои мысли.

Я пожал плечами, уставившись в окно. Бескрайнее поле с редким леском у самой дороги. И тишина. Ни встречных машин, ни тракторов, ни лошадей или коров. Будто и не живет в округе никто. Судя по дороге, асфальтированной, но давно не ремонтировавшейся, догадка была близка к действительности. Меня даже на мгновение посетило какое-то нехорошее чувство. Поехал неизвестно куда, неизвестно с кем. Хотя чего это я? Известно. Видел же, что выделявал Четкеров: маг он. Пусть и верилось в подобное до сих пор с трудом.

Наша иномарка притормозила и сползла на проселочную дорогу. Я лишь успел разглядеть указатель с белыми буквами на синем фоне: «Сосновка». Да уж, можно не гуглить. Таких Сосновок в России не меньше ста. Я потыкал в телефон: сети не было, а карта показывала какую-то откровенную чушь.

– Мы почти на месте, – сказал сопровождающий то ли мне, то ли попросту рассуждая вслух.

Далеко справа появились крохотные домики, из труб которых курился серый дым. Деревня. И не маленькая. Вот только поехали мы не к ней. Чуть поодаль дорога расходилась в три стороны. Крайняя слева уходила в лес, правая –

к деревне, а та, что вела прямо, и вовсе оказалась завалена несколькими камнями и заросла травой. Не знаю почему, но у меня вдруг засосало под ложечкой. И пульс участился.

– Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – себя потеряешь, прямо пойдешь – счастье найдешь.

– По поводу счастья – вряд ли. Там кроме лягушек и рогаза нет ничего. Вот местные камней и набросали. Спуск опасный, пара машин провалилась по незнанию. И в оригинале вообще: «Налево пойдешь – богатым будешь, направо пойдешь – женатым будешь, а прямо пойдешь – убитым будешь».

И Павел Сергеевич сделал выбор, способный в скором будущем привести меня к богатству. Опять же, если ему верить. Деревня постепенно удалялась, а мы въехали в лес. Дорога хоть и стала насыпной, к моему удивлению, пошла даже ровнее, чем на трассе. А мне встретился еще один указатель. Только теперь странный, точно выбитый на старой доске. «Терново».

После минут десяти спокойной езды лес расступился, и передо мной появилось поместье. Нет, не так. Поместье. К высокому трехэтажному, больше похожему на дворец и находившемуся на возвышении зданию вела широкая аллея. Справа и слева располагались вытянутые пристройки. Даже название вспомнил – флигели, рассказ такой в школе читать задавали. А это дело я любил. Вокруг владелец разбил сад с аккуратно подстриженными кустарниками, деревьями и изу-

мрудной травой, на нее даже смотреть было больно. Окружено все это великолепие оказалось высоким забором из искусно выкованных металлических прутьев. Подобная роскошь посреди леса удивляла не меньше магических фокусов моего провожатого.

– Погоди, я документы покажу.

Мы остановились у главных ворот, и брюнет вышел из машины.

Только теперь я разглядел привратников. Или охранников, не знаю, как правильно сказать. Карликов, сторбленных, с желтыми глазами и зеленым цветом кожи. И лица странные, сморщенные, точно старческие. Явно не человеческие.

Четкеров и правда достал какие-то бумаги и долго о чем-то переговаривался со «старичками». Те недовольно зыркали на меня, а один даже обошел машину, заглянув с моей стороны в салон. От вида мерзкого, будто искаженного в страшной гримасе лица я вздрогнул и сильнее вжался в кресло. Благо коротышка исчез так же быстро, как и появился.

– Все в порядке, – сопровождающий вернулся в машину.

– А кто это был?

– Гоблины, – ответил тот и, заметив мой ошалелый взгляд, добавил: – Понимаю, многие считают, что с ними нельзя иметь дело. Но это как посмотреть. Ребята вроде ответственные, свои деньги сполна отрабатывают. Хотя жадные, этого не скрою. Они здесь, конечно, больше для того, чтобы обучающиеся за территорию не сбегали. Но и внутрь посторон-

него не пустят.

– А зачем кому-то отсюда сбегать? – насторожился я.

– Подростки, – многозначительно сказал маг.

Мы подъехали к парадному входу, и я как-то сразу забыл о гоблинах и пропускном режиме. Попросту потерялся среди колонн. Оказался придавлен массивной двустворчатой дверью с гербом – колючей веткой куста и положенным на него старым пистолетом. Я с удивлением глазел на огромную купольную крышу над входом. Тут только фонтана не хватало. Я повернул голову и сглотнул подкативший к горлу ком. Хватало. Напротив дверей, с другой стороны аллеи, как раз он и находился. Широкий классический фонтан в три ступени.

– Пойдем, – Четкеров бросил машину прямо у входа.

Нас никто не встречал. Хотя мне казалось, что сейчас должен выйти дворецкий и сказать: «Кушать подано-с». Ну или кто здесь должен быть?

Четкеров по-хозяйски потянул за массивное кольцо, отворив тяжелую дверь, и пропустил меня вперед. А я, шаркая, зашел внутрь. Увидел огромную люстру в золоте, натертый паркет, широкую лестницу, ведущую наверх, и совсем согнулся, стараясь быть еще меньше. Не покидало ощущение, что все это не на самом деле.

– Не тушуйся, – Четкеров потянул меня за собой.

Я пытался, честно. Но каждое новое помещение убивало меня своей роскошью. А я почему-то вспомнил, что на левом

крючковой с внутренней стороны дырка. Зацепился за гвоздь возле гаражей. Ее, конечно, никто не заметит, но я-то знал.

После небольшой беготни мы оказались в длинном коридоре с рядом дверей. «Заведующий учебной частью», «Куратор первого курса», «Куратор второго курса», «Куратор третьего курса», «Заведующий хозяйством», «Директор». Забавно, что последний располагался в самом углу, рядышком с завхозом. И судя по всему, кабинет у него был крохотный. Я ожидал встретить секретаршу или кого-то в этом роде, но Четкеров лишь постучал костяшками пальцев по двери и приоткрыл ее.

– Здравствуйте, Константин Викторович. Можно? – улыбнулся мой спутник своей обезоруживающей улыбкой.

– Павел Сергеевич, вы еще спрашиваете? Конечно, заходите.

– Сиди здесь, – бросил мне Четкеров, указав на скамью.

И я честно пытался. Разглядывал таблички на дверях, темно-зеленые обои с мрачным узором, коричневое дерево снизу. Но не мог я сидеть спокойно, когда за дверью решалась моя судьба. Ведь не о погоде они там сейчас разговаривали.

Поэтому я приблизился к двери и поглядел в замочную скважину. Та оказалась хорошая, «просмотровая», под большой ключ. Нет, директорская была действительно бедненькая. Или так мне показалось после всей помпезности, которая представилась ранее. Да и сам директор не воодушевлял.

Маленький, толстенький, с залысиной, с которой он постоянно вытирал платком пот. Странно: сегодня, конечно, день солнечный, но не сказать чтобы жарко.

– Учебный год начался, курс полностью сформирован, – срывающимся голосом причитал он. – У нас и так на девять человек больше, чем в прошлом году.

– Меньше месяца минуло, – спокойно возразил Павел Сергеич, – что они там проходят? Отличие руны *Исаз* от *Кенназ*? Или уже тонкости магиогеополитической обстановки в Африке?

– Последнее на втором курсе. И вообще, у нас существует учебный план, который утвержден именно вашей конторой!

Да директор волнуется! Пот с него теперь не просто тек, лил градом. Закончив с залысиной, он стал вытирать лицо, потом шею. Нет, здесь нужен платок побольше.

– Никак не могу принять. Есть хорошая питерская школа. Уверен, туда возьмут. Под Новосибирском, опять же, неплохая. Там меньшие требования к физической подготовке. Думаю, вашего парня примут с распростертыми объятиями.

– Значит, не хотите помочь?

– Не могу, – чуть ли не визжал директор.

– Что ж, думаю, тогда надо будет заняться вплотную инцидентами, которые произошли на территории школы.

– Какими инцидентами? – почему-то шепотом спросил толстяк.

– Неделю назад нашли останки одного из ваших учеников.

– Не на территории школы же случилось. И сбежал он. А что там уж произошло, никому не известно. Это уникамы. Вы сами знаете. Своих способностей не понимают, случайный выплеск – и все...

– Сбежал. А разве у вас охраны нет? Как ученика пропустили?

Директор икнул и покраснел. Я даже испугался, как бы его удар не хватил. Но Четкеров толстяка жалеть не собирался:

– А в первую неделю учебного года произошел еще один инцидент. Снова уникам. Снова смерть. Не частенько ли у вас, Константин Викторович, ученики мрут?

– Так несчастный случай... – залепетал директор.

Я настолько увлекся чужим разговором, что даже не сразу услышал звук каблуков. Хорошо, что успел метнуться обратно к скамье, где меня и застала худенькая женщина. Лет ей было, не знаю, наверное, не больше пятидесяти. Лицо суровое, внимательное, сухое. А такой правильной осанки я не видел никогда.

Тетенька «подплыла» ко мне в своем старомодном платье и чуть наклонила голову, словно изучая.

– Новенький?

– Да.

– Вставать вас родители в присутствии дам не учили?

– Извините, – я покраснел, поднимаясь.

– Ничего, наше заведение отличается не только магической и военной подготовкой, но и обучением правилам по-

ведения в обществе. Не беспокойтесь, юноша, мы сделаем из вас воспитанного молодого человека.

Если честно, подобное звучало как угроза. Но собеседнице и этого было мало. Она повелительно протянула сухую руку ладонью вверх. И мне ничего не оставалось, как положить на нее свою.

– Хм, надо же, – покачала головой та.

Что там за «надо же», я спросить не успел. Во-первых, не знал, можно ли подобное по правилам местного этикета. Во-вторых, дверь директорской открылась, и появился довольный Четкеров. Правда, увидев женщину в старомодном платье, он как-то странно побледнел. Но тут же справился с минутной слабостью и взял себя в руки.

– Елизавета Карловна, прекрасно выглядите, – он поцеловал ее руку.

– Павел, значит, вы привезли к нам этого уникама в разгар учебного года.

– Ну не такой уж и разгар.

– И что, Семен Константинович даже не возроптал?

– Мы сумели найти компромисс, – Четкеров ушел от прямого ответа.

– Вот ведь тряпка, – презрительно бросила Елизавета Карловна. – Что ж, молодой человек, желаю вам успехов в обучении. И надеюсь, вы добьетесь всего сами, а не будете пользоваться протектированием вашего влиятельного покровителя.

С этими словами она уплыла за одну из дверей, на которой

было написано: «Заведующая учебной частью».

– Да уж, – подумал я вслух.

– По-другому и не скажешь. Тридцать лет как покинули стены Терново, а все так же дух перехватывает, когда она говорит свое «молодой человек».

Он задумался, будто и вправду вспоминая ушедшие годы, а потом повернулся ко мне. А я все соображал. В смысле тридцать лет? Выглядел Четкеров так, словно ему не больше двадцати пяти.

– Ну, на этом моя задача окончена. Располагайся. Все необходимое тебе выдадут, самое главное, не тушуйся. Здесь ребята разные – и простые, и не очень. Себя в обиду не давай. Никогда.

Странно, но вся веселость и жизнелюбие из него стремительно ушли. Говорил, а сам в глаза не смотрел, скользил взглядом по лбу, подбородку, щекам. Куда угодно глядел, но не в глаза. Словно был виноват.

– Вы сюда заезжать будете?

Спросил, а сам сразу себя и отругал. Ну кто я такой ему? Друг, товарищ, родственник? Просто рабочий объект, не более.

Однако Четкеров внезапно приободрился, закивал головой, заулыбался:

– Конечно, навещу. И не раз. Мне как раз по службе надо будет заглянуть. Ну давай, Максим, главное, держи хвост пистолетом.

Он пожал руку, легонько хлопнул меня по плечу и торопливо зашагал к выходу. Я даже слова не успел вставить. А когда опомнился, бросился по коридору, но моего сопровождающего уже и след простыл. Отлично, просто отлично. В какую сторону этот самый хвост пистолетом держать? Я вернулся к дверям и задумался, у кого спросить дорогу – у директора или завуча. Честно говоря, не хотелось ни туда, ни туда. Наверное, так я и простоял несколько минут, пока наконец меня не привел в чувство нетерпеливый голос:

– У меня вообще-то сегодня и других дел по горло.

Оглянулся – никого. Нет, оно понятно, что я в какой-то мере давно начал сходить с ума. Именно тогда, когда впервые проявились эти странные способности. Но раньше сумасшествие как-то пыталось себя рационально объяснить.

– Башкой не верти. Внизу я.

Голос принадлежал мужичонке. Такому, самому обыкновенному, если не считать его крохотных размеров – бедолага был не больше сантиметров двадцати. В просторной деревенской рубаше с цветами, широких штанах и без обуви. Конечно, где ему, такому крохе, ботинки найти. С другой стороны, одежду же он раздобыл.

Незнакомец поглаживал окладистую ухоженную бороду и оценивающе смотрел на меня. Я даже почувствовал себя не в своей тарелке. Чего он хочет? Но начать решил нейтрально:

– Здрасьте.

– Забор покрасьте. А если здороваешься, то бишь здоровья

мне желаешь, так и говори: «Здравствуйте». Или «Здорово». На крайний случай, «Здравь буде».

– Здравствуйте, – я почувствовал, что стал пунцовым от стыда.

– Здорово, – протянул руку кроха.

Я осторожно пожал ее, чтобы ненароком не повредить крохотные кости, и задал самый главный вопрос:

– Извините, а вы кто?

– Петр я. Хозяйственной частью здесь занимаюсь.

– Извините, Петр, а вы кто? – повторил вопрос я.

– Знамо кто, русский. Не видишь, что ли?

– Я имел в виду, в общем. Что за существо?

– Ты, паря, домовых сроду не видел?

– Не приходилось, – признался я.

– Так ты из проснувшихся? Да, тяжело тебе придется. Котелок кипеть первое время будет. Ну ничего, коли с ума не сойдешь, привыкнешь. Пойдем, хоромы твои покажу.

Я не стал поправлять, что перед домовым не проснувшийся, а уникум. Просто сам не очень еще понимал градации этих званий. Да и нужна ли подобная информация домовому Петру? Дядя Коля всегда говорил, что болтун – находка для шпиона. Вот я пока и не собирался каждому встречному о себе рассказывать.

– Распорядок здесь простой, – на ходу объяснял мне домовый. Двигался он как-то уж чересчур быстро для своего роста. – В семь утра подъем, в половину восьмого завтрак, в

восемь учеба. После обеда боевая подготовка. Ну, тебе еще назначат, а ближе к вечеру свободное время. Погулять, пока погоды хорошие стоят. Ох, сейчас красника как раз подоспела. И брусники бы успеть набрать. Так, нам сюда.

Мы покинули главное здание и свернули в один из флигелей, то есть тех самых одноэтажных боковых пристроек. Как стало понятно по ряду дверей, здесь было нечто вроде общежития, с двумя выходами во внутренний двор. В конце коридора Петр и остановился.

– Вот тут ты и обитаешь. Милости прошу. Захочешь чего узнать, так однокашники твои и подскажут. Пока, паря, а я побежал.

Какие тут все скорые. Что Четкеров, что домовый. Последний только, в отличие от моего недавнего провожатого, просто исчез. Стоял – и вдруг пропал. Думаю, снимай меня сейчас на киношную камеру, то на одном кадре он бы был, на другом нет. И что самое интересное – я почти не удивился. Почти. Вместо того чтобы хлопать глазами, повернул ручку и вошел в комнату.

Та оказалась намного больше моей в родном доме. С высокими потолками, лепниной, люстрой. Возле окна стояло две кровати. Одна самая обычная, а другая двухъярусная, со свернутым наверху матрасом и сложенной стопкой постельного белья. Ага, сразу понятно, где я буду спать.

Рядом с огромным платяным шкафом, у стены, расположился ряд массивных столов, два из которых были завалены

учебниками, тетрадами и письменными принадлежностями. Третий оказался почти пустым, не считая стопки книг, перевязанных ленточкой. «Биология разумных и прочих зверей», «Руноведение и нумерология», «Создание и преобразование заклинаний», «Мифология родного края», «Основы этикета», «Геральдика родов России», «Алгебра и геометрия», «Физика и естествознание», «Придворный этикет». Дальше я даже читать не стал, и так уже напугали до чертиков. Но вот заметил интересный листок поверх стопки, исписанный идеально ровным почерком. Пришлось развязать ленту.

«Магическая школа имени Льва Преображенского приветствует нового ученика. Наше учебное заведение делает упор не только на магических, но также на боевых навыках. Вам предстоит изучить...»

Это я пропустил. Учебники красноречиво свидетельствовали, что обучение здесь будет ничуть не легче, чем в обычной школе. А может быть, даже и наоборот. Зато вот дальше было интересно.

«Учащимся выплачивается стипендия в следующих случаях:

- сиротства или временного оставления без попечения,*
- значительных успехов в учебе или боевой подготовке,*
- создания нового зелья, ранее не описанного в «Магическом классификаторе»,*
- создания нового заклинания, ранее не описанного в «Магическом классификаторе»,*

– создания артефакта, ранее не описанного в «Магическом классификаторе».

В ближайшее время вам необходимо вступить в один из клубов школы: мушкетный, фехтовальный или атлетический. Непосещение перечисленных карается исключением.

Напоминаем, что в течение года вы должны обратить на себя внимание Ментора любой из трех Башен для перехода на второй курс и выбора дальнейшей специализации. Учащиеся, оставшиеся без вызова, будут отчислены.

Желаем успехов, администрация магической школы Терново».

Ну замечательно. То есть, оказывается, еще не факт, что я здесь задержусь. Что за клубы? Менторы? Башни? «Магический классификатор»? Я чувствовал себя маленьким утенком, заплывшим слишком далеко и потерявшим берег. Хотелось домой. Отказаться от этих дурацких способностей, которые, кстати, проявляли себя довольно неожиданно. К слову, не считая трюка с Четкеровым, я уже больше недели ничего не «магичил». Как ни старался. Говоря проще, я жутко испугался. Смогу ли соответствовать заявленным требованиям?

Звонок, обычный школьный звонок за окном, распугал мои мысли точно стаю ворон, сорвавшихся с ветки. Я выглянул во внутренний двор и увидел толпу одинаково одетых мальчишек и девчонок, горланящих и шумящих. С небольшим лишь различием: одни были в костюмах, другие в юб-

ках. Если не знать о магии, так вполне себе обычные ребята из какой-нибудь частной школы. И они сейчас шли сюда. Значит, скоро я познакомлюсь со своими соседями.

Интерлюдия

Несмотря на скорое прощание с мальчишкой, Павел Сергеевич не торопился покинуть школу. Точнее, он быстрым шагом направился к двери, но совершенно с другой целью. Амулет из чуть теплого стал обжигающе горячим, что значило лишь одно: глава его фамилии хочет срочно поговорить.

Фонтан подошел как нельзя лучше. Несколько коротких взмахов рукой – и преобразованная сила устремилась к воде. Падающие струи стали причудливо изгибаться, создавая человеческую голову. А спустя пару мгновений та и вовсе заговорила:

– Долго, Паша, долго мне пришлось ждать.

– Простите, Игорь Константинович, устраивал уникама.

– Я по поводу этого и хотел поговорить. Ты все-таки решил ловить того маньяка на живца?

– Он подходит. Идеально, Игорь Константинович. На сколько я понял, преступник ищет именно таких новичков. Я это чую.

– Напомнить, куда твоя чуйка привела?

Водяная голова сердито наклонилась, рассматривая Четкова, как надоедливое насекомое, которое не прекращало жужжать. У брюнета по спине побежали мурашки. И не только из-за своего вассального подчинения. Так всегда бывает, когда сильный маг общается со слабым, вкладывая в

свои слова немного мощи. Когда патриарх говорит с обычным мастером.

– Напомнить, каких усилий мне стоило на такую хлебную должность в МВДО тебя устроить? – продолжала негодовать голова. – И как ты с нее вылетел? Хорошо хоть в Департамент образования удалось засунуть.

– Если я поймаю маньяка, то меня вернут на оперативную службу, – смотря сквозь воду, процедил Четкеров.

– Все у тебя «если». Гляди, – погрозил невидимым пальцем глава фамилии, – настанет день – и моему терпению придет конец. И, кстати, смотри Светку в эти дела не впутывай. Если с дочерью что-нибудь случится, я с тебя шкуру спущу. Надеюсь, она не увидит, как этого уникама расплющат. Слишком уж она впечатлительная. Но в одном ты прав: если все получится, тебя вернут.

Было заметно, как собеседник задумался.

– Хорошо, что тебе еще надо? – спросила голова.

– Возможно, понадобится силовая поддержка, Игорь Константинович.

– Ты там школы решил вверх дном перевернуть?

– Очевидно, что убийца как-то связан с Терново.

– Возможно... Хорошо, будет тебе поддержка. Но не дай бог тебе и в этот раз облажаться. Все, жду вестей.

И вода обрушилась, словно и не было никакой головы. Четкеров, только теперь заметивший, что стоит сжав кулаки, сплюнул.

– Старый дурак.

Так получилось, что в молодости он имел неосмотрительность поступить в услужение к одной высокородной семье. И лишь позже понял, что в такие места рубль вход, а выход – два. И до поры до времени все шло хорошо. К нему присматривались, иногда помогали. Устроили поборником в местное отделение Охраны при Министерстве внутренних дел и обороны в глухом Саратове. А через несколько лет всеми правдами и неправдами выгрыз он себе сначала должность блюстителя, а следом и протектора. Не без помощи Терлецких, конечно. А потом так оплошал...

Четкеров сбросил с себя остатки дурных воспоминаний, точно плохой сон. Было и было. А сам быстрым шагом направился к воротам. Гоблины сидели вокруг костра, посмеиваясь и прихлебывая горячий чай из железных кружек. Четкеров усмехнулся. Хороши охранники. Эти если и дернутся куда, то только когда что-нибудь уже произойдет. Впрочем, так даже лучше. Павел Сергеевич опытным взглядом определил большака и подошел к нему.

– Встань! – повелительно приказал он.

– Ну, чего еще? – исподлобья поглядел зеленокожий.

– Встань! – Четкеров сжал кулак, и гoblin закашлялся.

Подопечные большака подскочили на месте, готовые броситься на человека. Однако их глава примирительно замахал руками, успокаивая своих существ. Он помнил, кто этот незнакомец, сам же проверял его документы. Шишка из Де-

партамента, к которому относилась школа. И пусть гоблинов считали глупыми и даже не любили за движение «Зеленые жизни имеют значение», большак догадался, что с человеком лучше не ссориться.

– Слушаю, – потирая горло, сказал он.

– Меня интересуют всякие чрезвычайные происшествия в школе. Если вдруг кто из учеников пропадет или умрет, тогда следует сообщить мне. Ясно? – Четкеров протянул визитку.

Глава гоблинов поморщился и потер большим пальцем о средний и указательный. Как и любой зеленокожий, он был чудовищно жаден. И пусть и опасался человека, но со своей природой ничего сделать не мог.

Незнакомец снова сжал кулак, и гоблин схватился за горло, почти захрипев. Как и все люди в магическом мире, Четкеров знал верное средство от жадности зеленокожих – силу. Всего каких-то пара секунд – и большак согласно закивал.

– Ну и замечательно, – сказал Павел Сергеевич, разжимая кулак. – А если все сделаешь верно, то так и быть, деньгами не обижу.

Маг развернулся и быстрым шагом направился к машине.

Глава 3

Внутренний двор можно было скорее назвать площадью. Внушительной по размеру и содержащей в себе немало интересного. Наиболее пристальное внимание привлекало самое диковинное здание, которые мне ранее приходилось видеть. Хотя ладно, вру, ничего подобного я никогда прежде не встречал. Казалось, оно было сложено из множества отдельных помещений, которые кто-то решил собрать под одной крышей. Все на разном уровне, с кучей труб, торчащих не только наверху, но и сбоку, отличающиеся друг от друга по размерам и формам окон. Именно из этого «Дома Чудес» и выходила большая часть учеников.

За чудаковатым строением виднелись те самые Башни, о которых упоминалось в записке. И это действительно были Башни. По-другому их назвать язык не поворачивался.

Первая, самая неказистая из всех, вымощенная черным кирпичом, оказалась слева. К ней примыкали небольшое помещение такого же цвета и стеклянная оранжерея. Вторая, с длинным шпилем, похожим на громоотвод, возвышалась над другими. Из-за своей ослепительной белизны она больше напоминала маяк, заброшенный сюда волшебным ураганом. И вот пристройка, такая же характерная, словно в ней живет смотритель. Третья, наиболее толстая, приземистая, сверкала позолотой. На вершине ее переливался на солнце

огромный металлический шар, по которому изредка пробегали искры. Так, хорошо, Башни, где обитают таинственные Менторы, мы нашли. Что дальше?

Я почти прилип к стеклу окна, ловя каждое движение и разглядывая мельчайшие детали. Это все должно было стать моим домом на ближайший год как минимум. Хотелось исследовать каждый закоулок, залезть на каждую крышу, убежать в лес. И вместе с этим воодушевлением внутри поселился страх. Что если мне здесь не место? Вдруг я не заслуживаю права находиться в этой школе?

Наверное, именно невеселые мысли отвлекли меня, и я не сразу услышал, как открылась позади дверь.

– Точно, новенький. Диман, пляши!

От звонкого тонкого голоса я чуть не подпрыгнул на месте. На пороге стояли двое. Видимо, тот самый Диман и второй. Тот, что любит покричать там, где можно говорить нормальным тоном.

– Рамиль, – мне протянул руку смуглый долговязый парень с растрепанными волосами.

Он так заразительно улыбался, будто я оказался долгожданным подарком, которой достался ему на день рождения. Вот как было не ответить тем же?

– Макс, – протянул я руку.

Диман оказался его полной противоположностью. Грузный, несуразный, он хмурил брови и пытался напустить на себя деловитость. Хотя веснушки, щедро рассыпанные во-

круг вздернутого носа, сводили на нет все потуги хозяина.

– Дмитрий Байков, – серьезно представился он мне, словно дело происходило на важном собрании, и почему-то указал на серебряную брошь, приколотую к груди.

Что это там? Какая-то крыса с пышным хвостом? Не думал, что пацаны подобное носят.

– Максим Кузнецов.

– Кузнецов? – чуть скривился веснушчатый. – Так ты не из благородных.

– В высокородстве замечен не был. Семья рабоче-крестьянская из средней полосы России.

Рамиль прыснул со смеху, хлопнув соседа по плечу.

– Ты не обращай внимания. Так-то Диман нормальный, не как все эти князья да бароны. На козе к ним не подъедешь.

При этих словах его сосед покраснел, отчего веснушек на его лице будто бы даже стало больше.

– Вообще-то мой отец...

– Да-да, граф Байков из древнего рода, – перебил его Рамиль и приобнял его, добавив уже мне: – Ты смотри, не дай сесть на шею, а то этот любитель геральдики тебе все уши прожужжит. Про свой обедневший род и гинекологическое древо.

– Генеалогическое. – Цвет лица Дима стал опасно пунцовым.

– Я это и имел в виду. Просто оговорился. Макс, ты Козловича еще не видел?

– Нет, наверное, – я покачал головой. – А это кто?

– Куратор наш. Вредный такой, ты бы знал. Телефоны отобрал, вечером гулять запретил...

– Это общее правило, ради безопасности всех учеников, – сухо заметил кто-то позади ребят.

Такое ощущение, что я сужу соревнование по неожиданному появлению. В дверях стоял сухой невысокий мужчина. С узким лицом, выразительными скулами и бородкой клинышком он походил на не полностью расколдованного брата Аленушки.

– Добрый день, Максим, меня зовут Викентий Павлович Баранович, я твой куратор.

Он замолчал, а я пытался продолжать дышать и не повраться от смеха. Вот зачем мне этот Рамиль сказал о прозвище куратора? Как теперь разведеть Козловича в Барановиче?

– Вам разве не надо на занятия клубов? – бросил худой мужчина в сторону моих новых соседей.

Ребята закивали, кинувшись к платяному шкафу. Рамиль вытащил на свет обычную спортивную форму – олимпийку, штаны, кроссовки. И что самое интересное, я не увидел ни одного логотипа, хотя одежда выглядела более чем современно. А вот Дима удивил. Он выудил странную короткую куртку, штаны на подтяжках, гетры. И только на этапе шлема я понял, куда мой полный сосед определен. В тот самый фехтовальный клуб. Жалко, шпаги здесь не было видно. Или

даже сабли? Чем они там дерутся?

– Пойдем, ребятам надо переодеться, я покажу тебе нашу школу, – Козлович повелительно положил руку мне на плечо.

– А мне переодеваться?

– Нет, ты же пока не ученик.

От последних слов я поежился. В смысле «пока нет»? Тогда для чего все это? Учебники, письмо, знакомство с соседями? Или требовалось еще совершить какой-то жуткий обряд?

– Итак, здесь обитают ученики первого года обучения, – взмахнул руками Козлович. – С той стороны – комнаты девочек; упаси бог, если какого-то ученика заметят после отбоя с противоположным полом. Сразу отчисление.

– А за что еще могут отчислить?

– За неуспеваемость. За употребление веществ, затуманивающих сознание. За самоволку – первому курсу запрещено покидать территорию школы без соответствующего разрешения. Еще – если на дуэли убьешь кого.

– На дуэли?

– Да, но они у нас редки. К тому же проводятся на специально отведенном месте и лишь до первого ранения. Ты разберешься со всем со временем. Пойдем. Смотри, в конце коридора душ. Советую им не пренебрегать.

Проводил экскурсию он мимоходом, не собираясь подолгу останавливаться на одном месте. Вот уже из коридора мы

вышли во внутренний двор, заполненный другими ребятами. И конечно, они все смотрели на меня. Кто показывал пальцем, кто неодобрительно качал головой. Нет, все мечтают стать знаменитыми, вот только не в таком ключе.

Поэтому мое перемещение напоминало поиск мелких деталей в высокой траве. Я все время шел с опущенной головой, смотря исподлобья в ту сторону, куда взлетала рука Козловича.

– Бойлерная и хозчасти. Соваться туда не советую. Делать там нечего, а домовым подобное очень не нравится. С другой стороны, если любишь, когда в твою еду добавляют немного пепла или волос, можешь попробовать. Чуть дальше конюшни. Но там, кроме экологически чистого воздуха, тоже ничего любопытного. Что смотрим? Почему еще не в клубах? Быстро, быстро!

Надо сказать, что Козловича слушались. Возможно, не особо уважали, уж точно не любили, но слушались. Часть толпы, из тех, кто помладше, действительно разбрелась, разве что с разной скоростью. Кто-то бросился со всех ног, другие, с важными лицами, побрели шагом. Ага, значит, это и есть весь первый курс. Ученикам постарше я был не особо интересен. И на том спасибо.

– Итак, здесь у нас столовая. – Мы с ним добрались до «Дома Чудес».

Впрочем, говорить о подобном было как минимум лишним. С фасадной стороны здание сплошь состояло из старо-

модных стеклянных окон и такой же, распахнутой настежь, двери. Внутри виднелись накрытые скатертями столы без посуды. Видимо, обед прошел, а до ужина еще далеко. Хотя зря меня сюда повели. Запахи тут с ума сводили, а я вспомнил, что давненько не ел. Жалко, что Козлович, в отличие от Четкорова, мысли не читал.

– Попасть с улицы можно лишь в теплое время. Зимой двери закрываются, и вход только изнутри.

Он повел меня дальше, и мы добрались до другой двери, уже более основательной, массивной, однако заходить внутрь я не стал.

– Здесь основной корпус. Тут у нас библиотека, бальный и фехтовальные залы, лекционные. Словом, множество всего, со временем разберешься.

Я с сомнением посмотрел на «Дом Чудес». Нет, выглядел он внушительно, но мне почему-то думалось, что там от силы пять-шесть небольших кабинетов. А тут, извините, не просто еще библиотека, бальный и фехтовальные залы, а «множество всего». Ну ладно, поверим на слово.

Однако времени задавать вопросы и сомневаться не было. Козлович не стремился к диалогу, такое ощущение, будто он хотел как можно быстрее отстреляться и заняться своими делами. Поэтому торопливо вышагивал по вымощенной пузатыми камнями дорожке, ведущей к Башням.

– Факультеты Ведьмачества, Чародейства и Артефактов, – указал он на высокие постройки слева-направо, – но это для

вторых и третьих курсов. Тебе скорее для общего развития. Слева дальше – полигон, там у нас мушкетный клуб. Но позже ты и сам услышишь звуки выстрелов. А вот здесь, – его рука взметнулась в сторону леса, – наши атлеты.

Туда как раз спешило множество учеников в спортивной форме. Я даже заметил знакомую долговязую фигуру Рамиля. Однако, кроме протоптанных среди деревьев дорожек, ничего видно не было. Может, у меня какие-то неправильные представления об атлетике?

– Но это все для учеников. Для тех, кто обучается в школе.

– Я думал, что директор уже дал распоряжение, – промямлил я, не зная, куда себя деть. Вот действительно, ситуация была совершенно непонятная.

– Пока еще нет. Осталось самое важное.

Я так и не понял, откуда Козлович выудил стопку бумаг. Нет, не пожелтевшие, исписанные кровью. Обычные листы формата А4, с набранным на компьютере текстом. Он протянул их мне, как-то пристально смотря в глаза.

– Это договор. Между школой и учащимся.

– Договор? И что мне с ним делать?

– Ознакомиться. И если ты со всем согласен, подписать. Если нет, – Козлович развел руками, – то на нет и суда нет. Можешь думать до следующего утра. Я зайду.

На этом обескураживающая экскурсия была закончена, оставив меня в полном замешательстве. Какой договор, какая подпись? Если честно, я расписывался всего-то пару раз

в жизни. Когда паспорт получал, и когда придумывал роспись, чтобы этот самый паспорт получить.

Спустя полчаса воздух снаружи зазвенел от выстрелов (не обманул Козлович про мушкетный клуб). Я сидел в комнате, которая, как выяснилось, даже не закрывалась, и в очередной раз перечитывал договор. Некоторые пункты, мягко говоря, удивляли. К примеру:

«Школа не несет ответственности в случае наступления смерти или недееспособности».

Однако, как известно, хуже, чем собственная гибель, были лишь финансовые вопросы. И они обнаружились ближе к концу договора. По нему я обязывался заплатить четыре пуда серебром за каждый год обучения. Издеваются, что ли? Я не помнил, сколько точно весил этот самый пуд, но понял, что денег у меня все равно не хватит. В кармане лежали три смятые сотки. Потому что кошелек сроду не было. И заплатить за меня никто не мог. Вряд ли у дяди Коли завалилось где-нибудь на антресоли четыре пуда серебра. Поэтому я перешел на последний лист.

«Дополнительный договор на альтернативный способ оплаты обучения».

Грубо говоря, если я подписывал его, то после школы должен был отработать три года в одном из профильных министерств. Что значило слово «профильный» в данном контексте, оставалось только догадываться. А так, получалось, год отучился – год отработал. Ситуация, если честно... Та-

кое ощущение, что я поеду сегодня домой.

За грустными раздумьями наступил вечер. Запах, доносившийся от столовой, сводил с ума и заставлял желудок урчать, но я не вышел из комнаты. Еда для учеников, а я еще непонятно кто. Скоро пришли и соседи. Рамиль привычно улыбался, а Дима хмурился.

– Ты чего на ужин не ходил? – спросил долговязый. – Там котлеты сегодня огонь.

– И опять без сладкого, – пробурчал Дима.

– Неохота, – соврал я.

– А что это у тебя? Договор? – не унимался Рамиль.

– Ага. Сказали ознакомиться и подписать. Вот не знаю, что делать.

– Если уж ты здесь, – стягивал с себя гетры толстяк, – то все уже решено. Ставишь закорючку и учишься.

– Мне всего четырнадцать. Я раньше документы никогда не подписывал.

– Вполне совершеннолетний, по нашим прикидкам, – тузился высокородный сосед, – теперь сам несешь за себя ответственность.

– Ага, я тоже удивился, – вставил Рамиль. – Но ничего, подписал. Как видишь, живу и здравствую на школьных харчах.

– И ты четыре пуда серебром заплатил? – спросил я.

– Не-а, – легкомысленно отмахнулся тот, – это же получается больше двух лямов. Я отработку подписал. Это ту, где

после школы надо будет поработать на Конклав.

– Беднякам выбирать не приходится, – философски заметил сосед, скидывая потные вещи в бельевую корзину.

– Ой, Димон, захлопнись, за тебя вообще двоюродный дядя заплатил. Вся наша разница – что ты на него батрачить будешь. Вот и все.

– Я же тебе по секрету, – покраснел Дима, но кроме пыхтений ничего не добавил.

Перебраниваясь, соседи взяли полотенца и ушли в душ. А я расправил постель и залез наверх. Есть хотелось неимоверно, даже живот сводило. Но я не собирался совершать ошибку и выходить из комнаты. Надо было подумать, что делать с этим треклятым договором.

С одной стороны, Козлович огорошил меня новостями. По всему получалось, что это и не школа вовсе, а прям концлагерь. За территорию не выходи, учись хорошо, да еще и дуэли у них какие-то разрешены. Помнится, что у Пушкина, что у Лермонтова на них была смертельная аллергия. Страшно, ох, как же страшно!

С другой стороны, невиданный и чужой мир невероятно манил. Домовые, гоблины, гремлины и, могу поклясться, много кто еще. Я не строил иллюзий: магический мир был опасен. Здесь с четырнадцати лет уже приходилось отвечать за себя. Но вместе с тем ни Рамиль, ни Дима не выглядели несчастными. Один такой же, как и я, – обычный пацан. Другой – представитель некой родовитой, судя по всему, фами-

лии.

Но существовал еще один немаловажный фактор. То самое ощущение всемогущества, когда Павел Сергеич дал поуправлять мне смерчем. Пусть и крохотным, но самым настоящим. Я в жизни подобного не испытывал. И, что еще интересно, я почувствовал себя особенным. Не обычным пациентом из неблагополучной семьи, а действительно важной частью чего-то большего. Мыслей было очень много. И выстроить их в логическую и последовательную цепь почему-то не получалось.

Мне казалось, что я всего лишь моргнул. А когда открыл глаза, то удивился произошедшим переменам. В комнате темно, за окном тоже, на противоположной, одиночной кровати посапывает Рамиль. Его я определил по костлявым ногам, торчащим из-под одеяла.

Я сел на кровати. Вот тебе и подумал. Желудок предательски заурчал, напоминая, что кушали мы с ним очень давно. Теперь терпеть придется до самого утра.

– Максим, ты проснулся? – раздался шепотом голос, в котором я узнал Диму.

Сам высокородный представитель славной фамилии Байковых тут же вырос передо мной.

– Спускайся, мы с Рамилем тебе поесть принесли. Еле домовых уболтали, вообще из столовой ничего выносить не разрешается.

Меня дважды уговаривать не пришлось. Я аккуратно

спрыгнул на пол и оказался наедине с четырьмя бутербродами на тарелке и стаканом холодного чая. Никаких блюд высокой кухни: черный хлеб, масло, сыр, но мне казалось, что ничего вкуснее я в жизни не ел.

– Ты будешь со мной? – предложил я Диме, который смотрел на мой поздний ужин глазами голодной и побитой собаки.

– Если только один, – дал себя уговорить Байков и тут же жадно вцепился в хлеб.

Судя по его комплекции, покушать он любил. Просто с обменом веществ не повезло. Я вот мог трескать все что душе угодно. И ничего – ни жира, ни мышц. А у Димы все откладывалось в бока.

К чести Байкова, он и вправду съел лишь один бутерброд, а с тремя остальными я расправился лично. Не сказать чтобы наелся, однако чувствовал себя уже значительно лучше.

– Ты по поводу договора не переживай. Это стандартная практика, – стал объяснять мне Дима. – Обучение мага – дело хлопотное, не всегда дешевое. Не все ученики магами, опять же, становятся.

– А что если меня и вправду выгонят? Как с договором быть?

– Отрабатываешь в каком-нибудь министерстве мелким служащим ровно столько, сколько проучился. Повезет – так там и останешься. В нашем мире много обычных людей без силы. А ты уникал, как-никак.

– Уникум, – повторил я, будто сам себя в этом убеждал. – А ты откуда знаешь?

– Козлович проболтался. Так что не переживай. Конечно, тебе трудно придется. Ты из обычной семьи, не магической. Поэтому и подготовки никакой. Но и это ничего. Здесь таких почти половина. И многие из них точно на второй курс перейдут... Ладно, – Байков грустно посмотрел на пустую тарелку, – я спать. Завтра день сложный: руноведение и алгебра. Специально они эти предметы в один день, что ли, ставят?

Я залез наверх, а Дима разделся и по-стариковски принялся ворочаться, пока наконец не затих и тихонечко не захрапел. Ко мне же теперь и сон совсем не шел. Нет ничего хуже, чем задремать днем. Бодрая ночь гарантирована. Тем более меня манила стопка бумаг, лежащая на третьем, «моем» столе. Тот самый договор. И чем дольше я смотрел, тем тверже становилась решимость.

Спуск со «второго этажа», попытка тихого перемещения к столу, нащупывание ручки и подпись договора заняли от силы полминуты. Зато наверх я залезал со странным чувством уверенности в правильности сделанного выбора. Завтра начнется моя учеба в школе. Завтра я сделаю первый шаг, чтобы стать магом.

Глава 4

– Шафидуллин, Байков, Кузнецов, подъем! Рыбки проснулись в саду, птички щебечут в пруду, а кого-то ждут не дождутся на алгебре.

Утром голос Барановича-Козловича был еще более противным. Я машинально засунул голову под подушку, прижав ее к уху, и только потом сел в кровати. Не время спать. Сегодня первое утро в моей новой магической жизни.

– Кузнецов, что решил? – дернулась бородка куратора.

– Подписанный договор на столе. С отработкой после окончания школы.

– Верный выбор. Держи.

Только теперь я обратил внимание на синий рюкзак с золотой эмблемой – колючей веткой куста и пистолетом сверху – под мышкой Козловича. Куратор протянул его мне. Внутри оказался школьный костюм такого же насыщенного синего цвета, белая рубашка, ремень, пара носков и ботинки.

– Прошу никого не опаздывать к завтраку, – сказал Козлович, выходя.

Чистя зубы прихваченной из дома щеткой в огромной уборной-душевой, я понял, что уже стал чем-то вроде местной знаменитости. Полуодетые парни сонно заходили внутрь, но сразу же просыпались, увидев новенького. Слава богу, никто не предпринял попыток заговорить со мной, по-

этому я быстро умылся и поспешил в комнату одеваться.

Форма сидела на мне как влитая. Даже поразительно. Я никогда не мог похвастаться хорошей одеждой. В силу роста штаны всегда были чуть короче, чем следует. Кеды рвались быстрее, чем у дяди Коли возникало намерение купить новые. Футболки растягивались и висели безразмерным мешком. Сейчас же я выглядел, как какой-нибудь актер из молодежного сериала про вампиров. Мне бы еще рожу соответствующую, чуть смазливее, так было бы совсем отлично.

– Рамиль, какие сегодня уроки? – я положил рюкзак на стол, взглянув на учебники.

– Сегодня день то что надо, – кисло отозвался сосед. От вчерашнего весельчака не осталось и следа. Я его понимаю. Не все стойчески переносят утро. – Алгебра, литература, заклиналка, геральдика и два руноведения.

Заинтригованный, я сложил нужные учебники и стал дожидаться соседей. Дима, несмотря на то, что пришел из душа последний, собрался довольно быстро. А вот Рамиль все копался, пытаясь оттянуть неизбежное. Но наконец и он оделся, закинул учебники в рюкзак и с тяжелым вздохом махнул нам рукой.

Свежесть осеннего утра пробрала насквозь, заставляя окончательно сбросить оковы сна. Я глубоко вдохнул аромат прелых листьев, перемежающийся с сырой землей, и ощутил себя по-настоящему живым. Вокруг меня к столовой брели невыспавшиеся ученики, мысленно проклиная все и вся, и

только я был рад здесь оказаться.

– Сядем вон там, – Дима указал на места возле входа.

Столы уже оказались накрыты. От тарелок с геркулесовой кашей шел пар, вареные яйца были еще горячие, рядом со сливочным маслом лежал нарезанный и поджаренный белый хлеб. Только теперь я понял, что чертовски хочу есть. Ночные бутерброды не спасли, а лишь раззадорили аппетит.

Обжигаясь горячей кашей, я рассматривал помещение. Столы расставлены буквой П, причем в вершине собрались преподаватели. Я ожидал увидеть каких-нибудь чудаковатых стариков в мантиях и с палочками, но нет. Большей частью учителя оказались не старше моего дяди Коли, а некоторые и вовсе выглядели только что окончившими эту школу. Из всех присутствующих я знал лишь Елизавету Карловну – ту тетку, которая оказалась заведующей, – и Козловича.

Закончив с учителями, я принялся за обучающихся. Народу было предостаточно – около трех десятков парней и девочек. И остальные все прибывали. Видимо, многие, как и Рамиль, любили поспать.

– Мне казалось, что здесь больше людей, – признался я соседям, намазывая масло на третий хлеб и нацелившись на стакан с какао.

– Второй курс в другую смену учится, – отозвался Дима, – третий обычно после нас ест, но там непонятно. Они же выпускники. Бывают дни, когда вообще в Башнях не появляются. А бывает, когда и ночью оттуда не вылазят.

Наш разговор прервала смеющаяся группа из шестерых учеников, появившихся у входа в столовую. Если остальные старались не шуметь, то эти будто нарочно вели себя вызывающе. Две девчонки и четверо пацанов – а гвалта, как от целого класса. Один из проходивших мимо заметил меня и начал шептать что-то остальным, изредка глядя в нашу сторону и противно скалясь. И почему мне это уже не нравится?

– Макс, пожалуйста, не смотри на них, – Рамиль склонился над тарелкой так низко, точно пытался гипнотизировать остатки каши.

Вот ведь закон подлости. Пока сосед это не сказал, мне даже интересно не было. А теперь я не мог отвести глаз от появившейся шестерки. И судя по сердитым взглядам, им это не особо понравилось.

– Кто это?

– Высокородные.

– Так у нас и Дима же высокородный.

– Не-а, – замотал головой Рамиль. – Байков у нас благородный, то есть из дворянской семьи. А это отпрыски, чтобы они ноги переломали, высших семей.

– Что за высшие семьи? – я уже и сам разглядел причудливые значки на форме учеников. Только золотые, а не серебряные, как у Димы.

– Пойдемте, – пробурчал Байков, поднимаясь, – лучше всего нам сейчас будет уйти.

Наверное, в этом имелся определенный смысл. Потому

что высокородные будто застыли в середине зала, не сводя с меня взгляда. Это чего, из-за того, что я не опустил глаза и пялился в ответ? Ну бред же!

Вот уже и утро перестало быть таким хорошим. На душе появился странный осадок, будто я с этими высокородными поссорился. Хотя ничего же, по сути, и не было.

– Я редко соглашаюсь с Рамилем, – начал Байков, когда мы оказались снаружи, – но сейчас он был прав как никогда. Лучше тебе даже не смотреть в их сторону. Тем более общаться. Они как раз наигрались с Максимовым и теперь ищут новую жертву для издевательств.

– Да объясните мне, что за высокородные такие?

– Потом объясним, тема не для пятиминутного разговора. Может, кстати, что и на геральдике услышишь, – отозвался Рамиль, который теперь был еще мрачнее, чем при пробуждении. – Мы сейчас как раз про тринадцать семей изучаем.

Мы зашли в «Дом Чудес», и ситуация в столовой меня немного отпустила. Потому что сразу же стали возникать другие вопросы. К примеру, шли вдоль здания снаружи мы метров пятьдесят. Так почему же коридор, в конце которого двери столовой (там находился тот самый второй вход, о котором говорил Козлович) так далеко? Я бы сказал, почти не просматривается. И кабинетов здесь намного больше, чем можно было предположить. В один из таких мы и зашли, после чего соседи столпились у дверей и стали переговариваться.

– Может, к Чернову? – спросил Рамиль.

– Слишком близко к ним, – покачал головой Дима. – Лучше на третий ряд, ближе ко входу.

– Так тут все места заняты. Кроме...

Они переглянулись, и я понял, что пора мне вмешаться. К тому же сам класс уже был осмотрен. Ничего особенно-го. Три ряда парт, правда, те массивные, старые, явно из того времени, когда не экономили ни на чем, огромная доска, стол учителя.

– Вы о чем?

– Думаем, где ты сидеть будешь.

– А разве не все равно?

– Нет, – категорично ответил Байков, – раз уж ты привлёк ненужное внимание высокородных, то лучше тебя посадить подальше от них. И не совсем на галерку. Там одни балбесы сидят. Не учатся толком, вылетят к концу года. Соответственно, выход один: посадить тебя с Зыбуниной.

– С кем?

– С ней, – шепотом добавил Рамиль.

Пришли мы рано, поэтому учеников в классе было всего ничего. Но за второй партой уже сидела невысокая девчонка. Ее лицо закрывали торчащие в разные стороны рыжие волосы, а сама она склонилась над книгой.

– Собственно, если кто попробует сглаз наложить, то она и защиту сможет поставить, – философски заключил Байков.

– Вы о чем вообще?

– Макс, поверь, так будет лучше для всех, – ответил Рамиль и, посчитав, что на этом его миссия закончена, махнул Диме рукой.

Тот похлопал меня по плечу и пошел за соседом к своему месту.

Ну ладно, Зыбунина так Зыбунина, какая, в конце концов, разница, с кем сидеть? Я же сюда знания магические пришел получать. К тому же народ начинал постепенно подтягиваться. И оставаться у входа – лишь привлекать к себе ненужное внимание. Поэтому я приблизился к девчонке.

– Извини, у тебя не занято?

Два огромных зеленых глаза словно прожгли меня насквозь. Внутри заворочался недавний завтрак, а голова закружилась. Зыбунину нельзя было назвать некрасивой, скорее, неряшливой. Непричесанные волосы, съехавший ворот пиджака, обгрызенные ногти. Но что самое забавное, на меня она произвела приятное впечатление. Девчонка не была похожа на сотни своих сверстниц, которые пытались казаться лучше, чем являлись на самом деле. И к тому же после испытывающего взгляда Зыбунина кивнула и отодвинулась, давая мне возможность пройти.

– Меня зовут Макс, – сказал я, усаживаясь.

– Катя, – было мне ответом.

– Приятно познакомиться.

Но Зыбунина вновь уткнулась в книгу. Ладно, я заодно и сам немного почитаю. Как там Рамиль говорил, в геральдике

что-то можно узнать? Я открыл книгу с кучей гербов, полистал ее и наткнулся на кое-что интересное.

«Первое упоминание о великородных или высокородных, как они стали именоваться позже, восходит к правлению Алексея Михайловича. Именно тогда царь приблизил к себе тринадцать магических семей, наказав им «держатъ царство вместе с ним». Со временем влияние высокородных усиливалось, и ближе к концу XVII века впервые упоминается о так называемом Совете (см. параграф 3), где сроком на десять лет избирался Охранитель (см. параграфы 4–5). Его задача заключалась в сохранении интересов тринадцати семей, зачастую вопреки интересам государственным.

Подобное положение дел не устраивало обычные дворянские семьи. И с конца XVIII по середину XIX века усиливаются протестные настроения. Под давлением рязанских, тверских и новгородских чародеев, а также владимирских и смоленских ведьмовских ковенов был создан Магический Конклав (см. параграф 6). Вначале носящий лишь совещательный характер, со временем он стал крепнуть, объединяя в себе все большие магов различных чинов и сословий. И к началу XX века Конклав соединил в себе все ветви законодательной, исполнительной и судебной властей (см. параграфы 7–9).

Революция и последующие трагические события, связанные с нашим государством, лишь утвердили Конклав в роли единой формы управления магами России. Вместе с тем не исчез и Совет Высокородных, сохранивший свои традиции и

необычайную магическую силу внутри семей».

Что-то я ничего не понял. По всему выходило, что правил магическим обществом Конклав. Тот самый, на который надо будет работать после окончания. Почему же все так тряслись по поводу высокородных? Не смотри на них, не чихай, не дыши.

Стоило подумать о выскочках, как те шумно ввалились в класс. Они сразу нашли меня, на мгновение остановившись. Но дальше приглушенных обсуждений дело не пошло. А вскоре появился и учитель, невысокий лысенький дяденька в заляпанных очках.

– Достаем учебники, сегодня надо пройти сложную тему.

Спустя полчаса мне пришло в голову, что ставить алгебру первым уроком – это насилие над человечеством. Думаю, если покопаться в биографии маньяков и серийных убийц, то с большой вероятностью выяснится, что начинали они день именно с алгебры.

К тому же меня привезли сюда, чтобы я стал магом. Пока же все походило на обычную общеобразовательную школу. Не явилась исключением и литература, которую вел, опять же, этот самый лысый дядечка в очках. Видимо, по обычным предметам тут учителя не меняются. Он не отмечал присутствующих, не представился сам, поэтому и имени я не узнал. А спрашивать у Зыбуниной не решился.

– Кем изображен Вий у Гоголя? – поинтересовался учитель, ткнув указкой в худого паренька на передней парте.

Тот почесал косматую голову, поправил очки и ответил:

– Косолапым существом с веками до самой земли.

– А кто он на самом деле? – указка ткнулась в одну из высокородных девчонок. Красивую, между прочим, стройную, со светлыми волосами до плеч.

– Славянское божество?

– Терлецкая, не неси чушь. Давай ты, – учитель вернулся опять к худому пацану.

– Как писал сам Гоголь, у малороссов – это начальник гномов. Но, как и указывал писатель, глаза у него и правда до самой земли.

– Верно, садитесь оба. Вий мог аккумулировать магическую силу и после поднятия век даже заставить противника впасть в летаргический сон. В середине девятнадцатого века в центре европейской части России наблюдался их резкий прирост. Но можете не пугаться, всех Виев давно истребили, теперь они украшают страницы Черной книги. Итак, кто мне скажет, в какой цикл входит повесть «Вий»?

Временами было даже интересно. Хотя я искренне не понимал, чего магического в этой школе. Ну да, в таком разрезе Гоголя нам не подавали. Оказалось, что тот был самым настоящим чародеем с классом Чернового. Не знаю, круто это или нет, хотя звучало не очень впечатляюще. И даже это не спасло замечательного русского писателя от беспощадных славянских чудовищ. По словам учителя, на уроках мифологии родного края нам должны были рассказать об этом более

подробно.

Однако магия пришла быстрее, чем я ожидал. Именно третьим уроком у нас шел предмет под названием «Создание и преобразование заклинаний». Даже Зыбунина выскочила пружиной из стула, как только в классе появилась невысокая миловидная блондинка. Впрочем, как и весь первый курс.

– Здравствуйте, класс.

– Здравствуйте, Наталья Владимировна! – хором ответили все.

Даже я сам, подверженный общему порыву, промямлил что-то неразборчивое, хотя не знал имени учителя.

– Садитесь. Итак, я смотрю, у нас новенький. Как тебя зовут?

– Максим. Максим Кузнецов, – я почувствовал, как краснею.

– Разночинец, – слышались сдавленные смешки от кучки высокородных.

– Куракин, мы не используем таких выражений в этом классе и на всей территории школы, – глаза учительницы блеснули гневом, но лишь на мгновение. – Очень приятно, Максим. Меня зовут Наталья Владимировна Матвеева. Садись.

Я плюхнулся на стул, чувствуя, как горит шея. Разночинец? Не вполне понимаю, что это значит, но вот тебя, Дуракин, запомнил.

– Сегодня мы начинаем изучать новое и крайне полезное

заклинание. Скажу больше, использовать вы его будете намного чаще, чем шаровые молнии, стены огня и прочую чепуху. Запишите название – «Морок». Итак, кто мне скажет, что нужно для создания первоклассного заклинания?

– Предельная концентрация, – пропищала какая-то девочка.

– Совершенно верно. Еще?

– Сила, – фыркнул мой новый «друг» Куракин-Дуракин.

– Конечно, без вложенной магической силы заклинание будет лишь фантазией в вашей голове. Ну, а самое важное? – учительница помолчала, ожидая вариантов, но в классе наступила гробовая тишина. – Самое важное – понимать мельчайшие детали, из которых формируется заклинание. В Морке вы преобразуете обычный предмет, скажем, этот лист бумаги, накладывая на него множество мелких деталей. Маша, раздай, пожалуйста, всем, – она протянула стопку черноволосой девочке на передней парте.

Минуту спустя передо мной легло разноцветное изображение паспорта. И не совсем обычного. Если есть английские слова, это, получается, заграничный? Наверное. У меня никогда такого не было. Как-то не задалось с путешествиями. Зыбуниной повезло больше: перед ней лежала копия водительских прав. Причем копия четкая.

– Теперь внимательно посмотрите на листки, лежащие перед вами. Запомните каждый отдельный элемент, каждую деталь, – научала нас Наталья Владимировна. – Вы должны

закрыть глаза и воспроизвести нарисованное на листке. Времени вам, – она посмотрела на изящные наручные часы, – двадцать минут.

– Зачем нам этот Морок, если есть вполне работающий Отвод глаз? – забубнил Куракин.

– Потому что расход силы на заклинания совершенно разный. Если ты будешь отводить глаза каждому встречному, то еще до окончания школы расплескаешь свой запас сил. Морок – заклинание не только действенное, но и не особо энергозатратное. Главное, детали. Все, занимайся, Саша.

Я тем временем пыжился что было сил. Пучил глаза, тер затылок, шептал про себя строчки. Для начала запомнил самое простое: первым делом слово шло на русском, потом на английском. Название страны большими буквами, следом с новой строки паспорт, тип, код государства выдачи, номер паспорта...

К концу отведенного времени я выучил полностью всю страницу. Мог с легкостью перечислить все графы, а когда закрывал глаза, передо мной сразу вставала картинка с паспортом. Не зря столько книжек читал. Натренировал память.

– Итак, для начала у нас пойдет Максимов, – пригласила учительница того нескладного очкарика с первой парты, который правильно ответил про Гоголя на предыдущем уроке, – у тебя... страховое медицинское свидетельство. Ну что сказать, для некоторых чародеев и артефакторов будет не лишним. Держи, Миша.

Учительница протянула ему чистый лист, а Максимов привычным движением сначала почесал лохматую голову, поправил очки и взял в руки бумагу. На его лице отразилось колоссальное напряжение, однако оно того стоило. Лист постепенно стал наливаясь голубым цветом, и на нем проступили буквы.

– Миша, очень хорошо. Память у тебя отличная. Единственное, надо поработать над концентрацией. Посмотри на эти кривые строчки. Вот эта совсем сползла. Хорошо, садись.

Стоило Максиму расслабиться и оторвать взгляд от листа, как тот снова стал белым. Ничего себе!

Ребята выходили к доске один за другим и пытались сделать из обычной бумаги дарственные, индивидуальные номера налогоплательщика, паспорт транспортного средства. И прочее, прочее. Половины слов я даже не понимал, не сталкиваясь в жизни с подобными документами. Не думал, что они вообще кому-то нужны, тем более магам. Но раз учительница говорит, значит, так тому и быть.

Легко справился со своим заданием мой уже «полюбившийся» одноклассник Саша Куракин – смазливый русский коротышка. Чуть не запорола Морок Терлецкая – та самая красивая девчонка из высокородных, с большими и одновременно холодными голубыми глазами. Даже у Рамиля все вышло не сказать чтобы замечательно, но свидетельство о рождении хотя бы позеленело. И наконец, Наталья Владимиров-

на посмотрела на меня.

– Максим, идем, теперь ты.

Я глубоко вздохнул, поднялся и направился к учительнице.

Глава 5

Не скажу чтобы у меня имелась боязнь публики. Но лишнего внимания я точно не любил. Это можно было сравнить разве что с посещением публичного туалета. Такого, еще старого, без кабинок. Вот забежал ты, чуть не пляшешь, простите за подробность, штаны расстегнул – и ничего. Потому что слева какой-то мужик, справа старик. И все кажется, что они именно на тебя смотрят. Ждут водного бенефиса.

Вот и сейчас было нечто подобное. Легко сказать, сконцентрируйся. Ну, я смотрел что есть мочи на этот несчастный листок. Того и гляди глаза из орбит вылезут. Только ни цвета, ни размера, ни фактуры он не менял. Ни через десять секунд, ни через минуту, ни через две.

– Наталья Владимировна, и долго мы на эту пустышку будем время тратить? – прозвучал из-за спины голос Куракина.

– Саша, не сбивай Максима. Для новичка заклинание может оказаться непростым.

– А для пустышки – и вовсе невыполнимым, – не унимался высокородный.

– Александр, еще одно слово – и ты покинешь класс, – сердито ответила учительница. – Продолжай, Максим.

Спасибо, конечно, но чего решительно продолжать, если я никуда изначально и не сдвинулся? Проклятый листок по-прежнему оставался белым, не желая никоим образом ме-

няться. Ну разве что он мятым немного стал от невероятных усилий. Память-то у меня отличная, а вот с магией все как-то не особо. Наконец, спустя еще минут пять Наталья Владимировна закончила мои мучения.

– Ничего страшного, – положила она руку на плечо, – подобное часто бывает. Это как езда на велосипеде. Сначала кажется невероятно трудно и страшно, а потом ты даже не прилагаешь никаких усилий к тому, чтобы поехать. Садись, Максим.

И урок продолжился в том же самом ключе. Справедливости ради, я был не единственным слабым звеном. Один из высокородных, коренастый амбал с туповатым лицом и прической ежиком, пыхтел над листком больше меня. И тот тоже остался равнодушен к усилиям ученика. И что-то его приятели не стали насмехаться над качком. Зато над парочкой бедолаг, также не сумевших применить Морок, начали издеваться. За что в очередной раз получили отлуп от Матвеевой.

Наталья Владимировна мне понравилась. Это был тот случай, когда приятная внешность полностью гармонировала с внутренним содержанием. Могу поклясться, что она никогда не говорила своим коллегам, какие у нее тупые дети и как она сейчас не хочет к ним идти. К примеру, наша физичка заявляла подобное нам прямо на уроке. Мы худший класс за все время ее работы, нас ничего не ждет, и всякое такое. Матвеева не пыталась отрабатывать зарплату, а именно да-

вала знания, не беря в расчет, благородный ты или самых обычных кровей.

О том, что существует подобное разделение, я узнал очень скоро. Потому что четвертым уроком у нас была геральдика. Длинный и сутулый учитель, похожий на гнутую палку, тоже обратил на меня внимание. И более того, даже заинтересовался фамилией.

– Не купца ли Кузнецова отпрыск? – спросил он, почесывая свой не менее длинный нос.

– Нет, – ответил за меня Куракин, – этот из разночинцев. Петр Семеныч, у него же на лице написано, что там помесь кухарок с крестьянами.

Так я узнал, как зовут моего учителя по геральдике. А еще выяснил, что не все придерживаются методов преподавания Натальи Владимировны. Потому что Сутулый даже не попытался словесно урезонить высокородного. Напротив, как-то по-лизоблюдски улыбнулся ему и кивнул. Мол, да, набирают всякий сброд, даже родословную не спрашивают.

– Итак, сегодняшним уроком мы продолжаем тему великородных фамилий России. Сегодня часть из вас познакомится с семьей Куракиных. Большинству благородных, она, конечно, давно известна. Остальных прошу слушать внимательно.

Дуракин сиял чище медного пятака. Ну да, это его звездный час. Я лишь скрипнул зубами от злости. У меня имелась парочка вопросов. К примеру, почему, если высокородные

больше не имеют влияния, с ними так носятся? Но спрашивать я не стал. Не хотел высовываться и лишний раз привлекать к себе ненужное внимание. И судьба отблагодарила меня за терпение. Потому что из разрозненных фактов, рассказываемых Сутулым, удалось сложить общую картину мира.

Итак, для начала о родственниках Дуракина. Герб – птица Гамаюн. Признаться, я не был силен в мифологии, а искать, кто это такая, времени не было. В общем, птица и птица. Даже золотой значок на груди у Дуракина похоже выполнен. Только семья Куракиных занималась разведением одомашненных неразумных магических существ: пегасов, грифонов, химер, мантикор, лунных саламандр, единорогов и так далее. Вообще, конечно, Сутулый перечислил всех, не уставая восхищаться Куракиным, но я не записывал, потому что понял наконец все премудрости этих заморочек с подбострастным отношением к высокородным.

По сути, это была олигархия. Тринадцать семей когда-то давно распределили между собой все основные виды деятельности и теперь тихо и спокойно занимались каждый своим делом. Я пролистал несколько страниц назад. Так и есть. Терлецкие – мастера в боевых артефактах. И создавать их можно только с официального разрешения семьи. Горленко заведовали камнями душ. Аганиным принадлежал Магический классификатор. Матвеевы отвечали за банковскую сферу, Александровы – за внешнюю торговлю магическими составляющими, а Тинеевы контролировали рынок

наемного персонала. И прочее, прочее.

Что еще интересно, если производством занимается кто-то из высокородных одной семьи, то в эту деятельность остальные уже не лезут. Получался такой простой и незамысловатый монополизм. Несмотря на свой юный возраст, я знал, что деньги решают многие вопросы. Однако не думал, что в магическом мире все обстоит точно так же.

Оставался интересным вопрос: как Совет, теперь я понял, для чего образованный, взаимодействовал с Конклавом? Покупал? Нет, подобную мысль можно легко допустить. Однако в этом вопросе надо еще будет подробно покопаться.

Урок тем временем шел своим чередом. Сутулый с жаром рассказывал, что Куракины, не жалея живота своего, трудились на благо нашей страны. Ага, так трудились, что аж подгрести под себя всех одомашненных неразумных магических существ. Именно таких, потому что имелись еще существа разумные. За их контроль отвечали Смолины. В общем, как сказал бы дядя Коля, без пол-литра не разберешься.

Поэтому слушал я Сутулого вполуха. Больше листал «Геральдику», читал про разные фамилии, нашел заодно и кое-что про род Байкова. Не сказать чтобы многое. Род древний, но тут в кого ни плюнь, все чуть ли не от Рюрика происходили (к слову, если верить книжке, чародея с классом Искусника).

Та самая крыса с пышным хвостом, которую я видел на значке, – на самом деле куница. Она же изображена на гербе

и все такое. Ладно, будем знать. Но это была лишь присказка, сказка оказалась впереди.

«Глава фамилии Байковых – Дмитрий Алексеевич, сын Алексея Мстиславовича. Опекун до совершеннолетия – Олег Мстиславович».

Я перевернул учебник в поисках нужной мне информации. Так, тираж, отпечатано там-то, вот, год. Ага, прошлый, тогда все сходится. На момент изготовления этого учебника Димон был еще несовершеннолетний, потому и опекуна его упоминали. И что-то мне подсказывает, что это тот самый дядя, который дал займы денег на учебу. Хотя займы ли, если теперь сам Димка глава фамилии? Ведь ему теперь четырнадцать, по местным понятиям, он может сам принимать решения. Или все-таки нет? Ох, как сложно все с этими благородными, аж голова кипит. Поэтому окончание урока я встретил воодушевленно. К тому же нас ждал обед.

Пока высокородные собирались, шутили между собой и беседовали с Сутулым, Рамиль и Димон быстренько выскочили в коридор. Байков даже махнул мне рукой, мол, скорее. Я и не собирался задерживаться, поэтому просочился мимо Зыбуниной.

– Ох, еще два руноведения, – тяжело вздохнул Рамиль. – Вот уж где скука смертная.

– Второй курс говорит, что после Нового года у нас появится нумерология. Там действительно страх, – поддержал соседа Байков.

Мне решительно нечего было добавить по поводу уроков. К тому же выяснилось, что я вообще не самый успевающий ученик в плане всяких магических штук. Скорее даже наоборот, скорейший кандидат на отчисление. Поэтому, чтобы поддержать разговор, я спросил именно то, что меня и интересовало:

– Дим, а чего не сказал, что ты целый глава фамилии?

Байков внезапно дернулся, словно его ударили по лицу, и как-то сердито посмотрел на меня. Даже мороз по коже пробежал. Почему мне кажется, что я ляпнул нечто лишнее?

– Лучше тебе не говорить о том, в чем ты ни черта не понимаешь, – строго отчеканил он и пошел вперед.

Рамиль укоризненно посмотрел на меня, повертел пальцем у виска и отправился догонять Диму. Вот чего я такого сказал? Ведь в книжке же написано... Или глава фамилии – это какая-то расстрельная должность?

Не говорили со мной соседи на протяжении всего пути в столовую. Не проронили ни слова спустя борщ, гречку с котлетами на пару, витаминный салат и чай. Решили не возобновлять общение и на обратной дороге в класс. Нет, я парень не гордый и с легкостью сделал бы первый шаг, извинился, если оскорбил. Вот только кто бы еще объяснил, за что прощения просить? А так я просидел целую большую перемену за своей партой. Даже Зыбунина отсутствовала. Что и говорить, мой первый магический день, который действительно должен был стать волшебным, вышел, мягко говоря, смазан-

ным. Но это я еще не знал, что будет потом.

Руноведение вел ни много ни мало сам Козлович. То есть Баранович. При его появлении весь класс притих, даже высокородные заткнулись и вытянулись в струнку. Надо же, фамилии нашего куратора я не обнаружил в учебнике «Геральдики». Получается, он не благородный, а такой же разночинец, как и я. А слушаются его все без исключения.

– Еще раз здравствуйте, садитесь. Если кто не заметил, у нас новый ученик, прошу любить и жаловать, Кузнецов Максим. Максим, – это он обратился уже ко мне, – тебе надо срочно прочитать все до страницы сорок шесть, чтобы догнать остальных. И подтянуться по остальным предметам. Так, а сегодня мы начинаем новый раздел, который называется «Наложение двойных рун». Открываем все учебники и слушаем меня внимательно. Руны ошибок не терпят.

Когда куратор говорил, его куцая бородка забавно тряслась, делая сходство с козлом еще более выразительным. Однако именно смеяться мне хотелось меньше всего. Руноведение оказалось темным лесом. Нет, не так, темным лесом, заросшим бурьяном, где водились голодные звери. На первый взгляд, все было просто. Изучали мы древнегерманские руны. К примеру, Феху посвящена богине плодородия. При правильном расположении в доме и прокачке силой мага улучшала его благосостояние. Вот только тут и начинались нюансы.

Идеально, чтобы руна с Феху была изображена на дере-

ве. Лучше над притолокой дверного проема. Наверху, а не внизу, иначе богатство из дома будет утекать. Можно изобразить руну на камне, правда, тогда эффект окажется слабее или придется задействовать большее количество силы. А еще стоит учитывать время суток, лунный цикл и средство нанесения. Уже труднее? Да не особо... Это пока были цветочки, ягодки шли дальше.

Если для одной черточки было столько заморочек, то двойные руны попросту съели мой мозг. Феху с Исой давали один эффект, но вот стоило их поменять местами, как все преображалось. К тому же Феху в качестве жертвоприношений любила кровь. Поэтому, если дополнительно пролить на руку собственную юшку, то и на выходе мы получали совершенно другой результат. Но все это действовало, пока руны не клали на землю. Последняя нейтрализовала Феху-Иса полностью, но не Иса-Феху. Короче, я понял, что попал, и лучше бы у нас шесть уроков подряд была алгебра, а не вот это вот все.

Когда Козлович захлопнул свою папку, стер с доски руны и попрощался, мне подумалось, что прошла целая вечность. Даже короткая перемена между уроками не помогла. Судя по заторможенным действиям одноклассников, не мне одному руноведение и нумерология (какой кошмар, потом еще и нумерология прибавится!) давались тяжело. Однако времени растекаться мелкой кашицей под партой не было. Именно после шестого урока у нас начинались занятия в клубах.

Ребят я дожидаться не стал. Хотят обижаться – тут я уже ничего не поделаю. Добежал до комнаты и обнаружил на своей кровати сложенный спортивный костюм с кроссовками. Точь-в-точь как тот, что видел у Рамиля. Когда я уже почти переоделся, пришли соседи. Молчаливые, хмурые, глядящие исподлобья. Да-да, помню, я враг народа и все время что-то делаю не так. Без лишних предисловий бросил портфель на кровать, сложил школьную форму, а то еще помнется, и вышел наружу.

Куда идти, примерно помнил из экскурсии с Козловичем. Поэтому я направился к лесным тропинкам и благополучно... заблудился. В итоге вышел к огражденному высоким забором полигону, куда стекались все сплошь благородные. Вернулся в лес и ходил еще минут пятнадцать. Нет, вот действительно, как в сказке, «там, по неведомым дорожкам». И вскоре столкнулся нос к носу с Рамилем, который вынырнул из-за очередного дерева. От удара я сел на задницу, да так сидеть и остался.

– Я так и знал, что ты не туда пойдешь, – сказал сосед с таким веселым видом, будто раньше между нами никаких размолвок и не было.

– Откуда? – спросил я, поднимаясь и отряхивая тренировочные штаны.

– Так все с непривычки теряются. Учителя не замечают странностей школы, думают, что все в полном порядке, а вот нам все в новинку. Погоди,ними кроссовку.

– Зачем это еще?

– Сними, сними. А теперь носок надень наизнанку.

С большим подозрением, но я все же выполнил указание Рамиля. Не знаю, гром не грянул, тайные тропы не открылись... Лишь высокий сосед стоял и улыбался во все свои тридцать два зуба.

– Слушай, давай разберемся сразу, чтобы потом не возвращаться к этому разговору, – сказал я, – это что с Димон за фигня была? И с тобой тоже? Чего надулись?

– Ну, в общем, – улыбка Рамиля сразу сникла, – есть темы, которые лучше не поднимать. Байков вообще спокойный, как танк. Но конкретно про фамилию и семью с ним лишний раз говорить не стоит. Поэтому и я тебе при Байкове объяснять ничего не стал. Захочет – сам расскажет. Если коротко, он бы и рад скинуть с себя бремя главы рода, да куда уж там. Сложно все. Да ты не переживай, Димон – пацан отходчивый.

– Ладно, замаяли, – я хлопнул его по плечу. – Пошли, что ли, на занятие. Куда нам?

– А вот ты сам и скажи, – снова улыбнулся сосед.

Нет, его улыбка постоянная начинала раздражать. Не любят у нас излишне жизнерадостных людей, это факт. А к тем, которые улыбаются, когда конкретный момент этого не требует, относятся вообще с большой осторожностью. Даром что татарин, а не американец.

Вместе с тем, несмотря на легкий скепсис, неожиданно

дорожка, по которой я до этого прошел раза два, вывела нас на небольшую цветочную опушку. Могу поклясться, что я прежде точно так же по ней шел. Ну ладно, в самом деле, чего я ожидал от магической школы? Странности – это почти нормально.

На опушке уже расположилась часть нашего класса – несколько девчонок, среди которых я выделил одну симпатичную брюнетку, и куча пацанов. Что меня порадовало больше всего – в атлетический клуб попадали по остаточному принципу. То есть те, кого не взяли в кружок по фехтованию и стрельбе, сплошь неблагородные. Одним словом, наши люди.

Несколько человек махнули Рамилю рукой. На меня смотрели без явной вражды, но сдержанно. Наводить мосты никто не торопился. Ну и ладно, я тоже пока огляжусь, пойму, что к чему.

Не успел я подумать об этом, как на краю опушки появился невысокий мужик. Вот именно что внезапно образовался, вызвав вялое оживление. Ребята начали подниматься на ноги, но без всякого энтузиазма. Прямо как мой отчим, встающий с бодуна на работу.

Учитель по атлетике, или тренер, не знаю, как выразиться правильно, выглядел очень странно. Хотя бы потому, что был одет как обычный рабочий – какой-то засаленный фартук, широкие протертые штаны, крепкая, но старенькая обувь. На взгляд ему было не больше сорока, но около глаз

собралось столько морщин, что сразу становилось понятно: без магии здесь не обошлось. Ну а главным отличительным признаком являлась национальность учителя, в прямом смысле слова написанная у него на лице. Он был бурят. Ну или якут. А может, и монгол.

Я мог поклясться, что появившийся человек сразу посмотрел на меня. Пары секунд ему хватило, чтобы сделать какой-то свой вывод. После чего он взмахнул руками и отдал приказ без всякого акцента:

– Что встали? Тренировка уже две минуты как началась.

Глава 6

Минуте на сороковой беготни я начал думать, что упасть без сил прямо посреди дорожки – не такая уж плохая перспектива. Под лопатку будто вонзили стальную спицу, в груди жутко кололо, а во рту появился железный привкус. Называлась эта экзекуция красивым словом «тренировка». Хотя по факту мы просто наворачивали круги по лесу.

Надо заметить, что последний был невероятно красив. Осенняя позолота лишь коснулась верхушек деревьев, еще не спустившись ниже. Тропинку, по которой мы бежали, опоясывали цветы и ароматные растения. А наше глупое времяпровождение изредка комментировал филин, сидевший на верхней ветке. Жаль, что полностью насладиться красотами леса мешало тщедушное тело, которое последние пару кругов уже работало на автопилоте и вот-вот должно было отказать.

Не знаю, чего добивался Якут (про себя я обозначил его именно так), но на тренировку это оказалось похоже меньше всего. Хотя бы потому, что учитель даже не собирался следить, что мы делаем. Просто дал указания и ушел, чем несколько моих однокашников сразу и воспользовалось.

Предводителем у них был низенький казах Азамат (как рассказал мне Рамиль). Именно он после пары кругов «потерялся» вместе с еще несколькими учениками. По словам со-

седа, они отсиживаются в лесу до самого конца тренировки. И если раньше Азамат проворачивал подобное с парой единомышленников, то постепенно его компания разрослась. Учитель не замечал этого хотя бы потому, что сам во время наших мучений отсутствовал. И все шло к тому, что вскоре количество шлангующих будет увеличиваться.

Нет, я бы и сам рад был свалить куда подальше. Упасть, отхаркивать густую слюну и тяжело дышать. Однако существовало несколько «но». Не хотелось показаться слабаком перед Рамилем. Хотя, судя по виду соседа, им двигало примерно то же чувство. А второй аспект заключался в той самой брюнетке, обогнавшей нас уже на целый круг.

– Вика, Тихонова, – тяжело дыша, рассказывал Рамиль. – Успеваемость средняя, она же, как и мы, из проснувшихся. В смысле, как я, – исправился он, взглянув на меня. – Поэтому все дается сложнее.

– Я тебе школьный архив, что ли? Мне эта информация к чему? Лучше скажи, чем интересуется?

– О... – многозначительно закатил глаза сосед, – вон ты куда метишь.

– Никуда я не мечу, – сказал, а сам покраснел, – просто интересуюсь.

– Тут я тебе ничем помочь не могу. Вот про подругу ее немного знаю, но тебе ничего не скажу. Вон ты какой ловелас, оказывается.

Именно в этот момент Тихонова вместе со своей подругой

(нескладной и слишком высокой, что только Рамиль в ней нашел?) пробежали мимо. Они нас на второй круг обогнали. При этом Вика посмотрела именно на меня как-то презрительно, с легкой издевкой. Мол, слабак. И хотелось бы доказать ей, что нет, вырваться вперед и с равнодушным видом легко обойти ее, однако сил уже совершенно не было.

А чуть позже нас обогнала компания Азамата с ним во главе. Выглядел казах донельзя бодрым, отчего заставил себя немного ненавидеть. Хотя, чего я? Каждый сам кузнец собственного счастья. Никто же не заставлял нас на самом деле бегать.

– О, – обрадованно посмотрел на их спины Рамиль. – Значит, скоро конец тренировки. Азамат у нас как чувствует, когда надо появиться.

И сосед оказался прав. Еще через круг, пробегая мимо той самой опушки, мы увидели Якута, который возвестил о завершении мучений. Но лишь на сегодня. При этом, возможно, показалось, но учитель посмотрел на меня одобрительно? Правда? После вот этого удивительного галопа, во время которого двадохлых коня чуть не откинули копыта?

Правда, выяснилось, что мы с Рамилем показали не худший результат. Сразу после нас финишировал Максимов с первой парты. Наверное, такие люди нужны для общего понимания, что все не так уж и плохо. Маленький несуразный одноклассник еле волочил ноги, держась за бок, очки съехали на край носа, а его лицо выражало такой спектр эмоций,

что я испугался, как бы сейчас пацан не умер. Но ничего, добежал, согнулся, чуть не упав на колени, и стал тяжело дышать.

– Не переживай, Мишка всегда такой дохлый, – отозвался Рамиль с некоторой жалостью.

– Можно подумать, что мы намного лучше.

К себе я не шел – плелся. И предвкушал завтрашнее утро, когда не смогу разогнуться. А веселый настрой Рамиля только усугублял ситуацию. Однако, переступив порог комнаты, я вспомнил еще об одной проблеме. Она сейчас как раз стягивала свой фехтовальный костюм.

– Максим... – начал Байков.

– Сорян, я откуда знаю, какие у вас тут порядки? Про что можно говорить, про что нет.

– Нет, это я хотел бы извиниться, – Димон говорил деловито, но его серьезный настрой никак не совпадал с внешним видом. Потный, с красными пятнами на лице, он сейчас меньше всего напоминал главу какой-либо семьи. – Мое поведение было недостойным. Ты человек новый и не можешь знать обо всех хитросплетениях ситуации, связанной с фамилией Байкова. Прошу простить меня за несдержанность. Всего я тебе сейчас рассказать не могу.

– Да и не надо. Типа мир? – я протянул руку.

– Мир, – пожал ее Байков.

– Ну вот и здорово, – хлопнул нас по плечам Рамиль, – а то нам только горячей точки в этой квартире не хватало.

– Я понял, какую аналогию ты хотел провести, однако здесь будет более уместно сравнение с Холодной войной, – заметил благородный.

– Давай, Макс, подключайся, я его занудство до этого один терпел, теперь предлагаю установить сменный график. Ты делаешь вид, что слушаешь этого умника с утра до обеда, а я – с обеда до вечера.

– Очень смешно, – скривился Байков. – Максим, ты же не считаешь меня занудой?

– О подобном только зануда и мог спросить, – не унимался Рамиль.

– А можно я сначала в душ схожу, а потом уже буду участвовать в ваших разборках? – попросил я.

Минут пятнадцать спустя мне стало чуть лучше. Я умылся, оделся в чистую одежду, которая также появилась на кровати, пока нас не было (чего, спрашивается, футболки из дома брал?), и валялся, слушая трескотню Рамиля. Мне думалось, что это девчонки много болтают, но новый сосед рушил все стереотипы на корню. Еще вопрос, кого придется терпеть – его или Байкова.

– Димон, наконец-то, – встретил он дворянина, только вышедшего из душа, – вот ты плескаться... Одевайся скорее, сгоняем к пруду.

– А что там? – спросил я.

– Рашидов говорит, что там водяного видел. Вот такенного, – Рамиль раскинул руки в стороны.

– В нашем пруду? – скептически поинтересовался Байков. – Не маловат он для водяного?

– Рашидов мамой клянется.

– А, ну если так, – подобный ответ почему-то устроил Димона.

– Макс, ты с нами? – вскочил на ноги Рамиль. – Мы сейчас в столовую, на полдник, а потом к пруду. Он за башнями.

– Нет, я и есть не хочу. Посижу здесь, поучу ваше руноведение. Сами же слышали, что Козлович сказал.

– Оно такое же наше, как и твое, – парировал долговязый сосед. – У меня вот с руноведением все чин-чинарем. Учи его, не учи – один хрен.

– Экзамен не сдашь, вылетишь, – вставил Байков.

– Да сдам я, сдам. У меня есть своя методика. Ну чего, пойдем к пруду, что ли, Димон?

– Пойдем, пойдем.

– Так одевайся скорей. Я водяных сроду не видел.

– Я тоже, – как-то задумчиво ответил Байков.

– Макс, а ты, если надумаешь, присоединяйся.

Спустя еще минут десять они все-таки отправились в свою исследовательскую экспедицию, как обозвал ее Рамиль. Я же включил настольную лампу и сел за учебники. Вроде месяц всего прошел, а наверстывать придется действительно порядочно. Если геральдику я в расчет не брал (читалось там по большей части все как любопытная история), то руноведение необходимо было тупо зубрить. А ведь это не единственный

предмет в школьной программе.

Справедливости ради, примерно полчаса я старательно пытался учиться. Шевелил опилками, как мудрый Винни-Пух. Начал с азов, узнал про порядок букв, который назывался футарк, про деление алфавита на три эттира, или рода, если по-русски. Ну, и попытался вообще запомнить, что каждая руна обозначает. После пары бесплодных попыток мы с совестью пришли к определенной сделке. Согласно ей, можно было сделать несколько набегов на учебник руноведения. Никто же не говорил, что мне надо вызубрить все за один день.

Так я не заметил, как открыл «Мифологию родного края» – судя по короткому взгляду, тоже интересный предмет, – и в конце предметного алфавита нашел нужное мне слово.

«По человеческим поверьям, водяной есть не кто иной, как проклятый дух, обитающий в реках и болотах. Что в корне неверно. Водяного можно сравнить с водным элементом, с той лишь разницей, что в создании последнего участвует маг, который и влияет на силу, скорость и время призванного существа, тогда как водяной – разумное проявление водной стихии, возникающее в местах скопления или завихрения силы, образовавшейся на основе трансформации какого-либо животного. Водяной может принимать различный облик, руководствуясь собственным разумением, и благодаря переработке силы способен развиваться».

Страницу я перевернул уже дрожащими пальцами, приподнявшись от нетерпения на стуле. Как это выходит? Есть место, где сила скапливается. Вроде ямы с компостом. Если все это в воде и, скажем, возле этого места любит находиться, скажем, лягушка, то есть вероятность, что сила в конечном итоге сделает ее водяным? Просто уму непостижимо!

И если все именно так, как говорил Рамиль, то получается, я тут штаны просиживаю, а ребята там водяного смотрят. Вот уж фигушки! Я быстро обулся в спортивные кроссовки и выскочил наружу. Так, Байков говорил, что пруд сразу за Башнями?..

Школьный двор пустовал. Все разбрелись по комнатам после тренировок и либо отдыхали, либо делали домашнее задание. Все, кроме кучки тех самых высокородных, столпившихся поодаль, у опушки леса. Мне до них не было никакого дела, и я с чистой совестью и некоторой опаской собирался прошмыгнуть мимо. И даже именно так бы и сделал, если бы не одно «но».

Оно выглядело невзрачным худым пареньком в очках, которого я сразу узнал. Тот самый бедняга Максимов. И судя по всему, дела у него складывались не особо успешно. Кучка высокородных – хотя сейчас назвать их так язык не поворачивался – обступили одноклассника, а тот бегал между ними. Не сразу, но я все же понял, в чем дело. Эти засранцы отобрали у него очки и теперь играли в «собачку», перекидывая окуляры другу другу. Больше всего меня покорило,

что при этом присутствовали две девчонки, которые даже не пытались прекратить издевательства.

Сначала я хотел проскользнуть мимо. Кому нужно нарываться на неприятности на ровном месте? Тем более это те самые высокородные, с которыми Байков очень советовал не ссориться. К тому же пацанов четверо. Силы, мягко говоря, неравны. С другой стороны, на душе противно заскребли кошки. Представилось, что вместо того самого Максимова стою я и никто не вмешивается, чтобы мне помочь.

Вон пробежал рослый ученик с какой-то странной повязкой зеленого цвета на руке – видимо, второкурсник. Он бросил беглый взгляд на кучку у леса, но ему и в голову не пришло остановиться. Высыпали из столовой мои одноклассники и тут же поспешили к флигелю, делано не замечая высокородных. Нет, Максиму ждать помощи неоткуда. Почему мне кажется, что я об этом пожалею? Наверное, потому что так и будет.

Я изменил траекторию движения, направившись на дрожащих ногах к высокородным. Метров за тридцать меня заметили, и «игра» оборвалась. Теперь все, включая запыхавшегося Максимова, следили за мной.

– Чего-то хотел, разночинец? – насмешливо спросил Куракин.

Я сначала кивнул, а потом, пытаясь скрыть волнение в голосе, ответил:

– Хотел. Чтобы вы ему очки отдали.

– Ты что, страх потерял? – искренне удивился Куракин. – Можем помочь поискать.

Теперь все смотрели на меня с нескрываемым любопытством, как ученые на крысу, которая должна была умереть, но выжила. Но внимательнее всего за мной наблюдала Терлецкая, та самая красивая блондинка с холодным взглядом.

– Просто не хочу, чтобы ты издевался над ним.

– Я хочу, чтобы мы жили на радуге и ездили на единорогах, – мечтательно произнес Куракин. – Вот только их осталось всего восемнадцать в России, уж поверь, я знаю, о чем говорю. Так что лучше отваливай, пока я тебя в пыль не превратил.

– Ни в кого ты не сможешь его превратить, – спокойно ответила Терлецкая, не сводя с меня взгляда. – Из школы сразу вылетишь. Да и слабоват ты для таких преобразований.

– Светка, ты вообще на чьей стороне?

– Да ни на чьей. Просто скучно, а ты только и делаешь, что хвастаешься.

– Ладно, сейчас будет весело.

Я так и не понял, что за игры между этими двумя происходили. Да, честно говоря, не очень-то и интересовался. Да и Дуракин не дал мне времени поразмышлять. Он подскочил и что есть силы толкнул меня. Я попытался сделать шаг назад, чтобы не потерять равновесие, но запнулся и плюхнулся на спину под одобрителный хохот высокородных пацанов, лишь на траве поняв, что случилось.

Во время нашего разговора один из прихвостней Куракина зашел ко мне за спину и встал на четвереньки. Именно об него я и споткнулся. И, что еще важно, быстро заметил, что ребята хотят повторить трюк. Стоило мне встать, как Куракин снова бы толкнул.

Поэтому я перекатился в сторону и поднялся, стараясь игнорировать боль. Тело слушалось с трудом. Часовой бег по пересеченной местности наложил свой отпечаток. Но сейчас было кое-что поважнее: наказать обидчика.

Дядя Коля всегда говорил, что мужчина должен уметь постоять за себя. Неважно, сколько их, чем это грозит, но лучше, чтобы тебя отметилили один раз и ты сохранил лицо (фигурально, само собой), чем целым прибежать домой, поджав хвост. Потому что в этом случае издеваться будут постоянно. Жалко, что дальше разговоров у нас не зашло, хотя отчим мог кому угодно морду начистить. В этом я не сомневался. Мне сейчас эти навыки очень быгодились, чтобы отправить в нокаут Дуракина.

Хотя его смазливое лицо значительно помогло мне настроиться. Светлые волосенки прилипли ко лбу, карие глаза смотрели надменно, а тонкие губы изогнулись, обнажив белые зубы. Именно туда я и ударил.

Боль пронзила руку, током пройдясь по локтю. Если бы не закричал Куракин, я бы завопил сам. Лишь усилием воли удалось взять себя в руки, сделав вид, что все идет ровно так, как и задумывалось, и что именно такой удар я и хотел

нанести.

– Ах ты падаль! – высокородный держался за окровавленный рот. – Ты хоть понимаешь, на кого руку поднял? Тебе не жить.

Меня обступили приятели нового врага. Один коренастый, но крепкий, с уже проклянувшимся пушком над губой, угрожающе надвинулся, блеснув перед глазами золотым значком с воющим волком. Второй, с изображением на груди какой-то книги, явно насмотрелся фильмов с Брюсом Ли – он чуть присел, вытянул одну руку перед собой, а вторую завел за спину. Ему бы с дядей Колей познакомиться, тот тоже боевики с Брюсом Ли любил. У нас и VHS-кассеты остались, жалко, видик давно не показывал.

По всему выходило, что меня здесь сейчас будут убивать. Одно радовало: произойдет это все необычным магическим способом. И есть вероятность, что от Кузнецова Макса не останется даже следа. Спасение пришло, откуда не ждали, от той же Светланы Терлецкой, неожиданно вступившейся за меня:

– Саша, это не по правилам.

– К чертям правила, – отмахнулся он одной рукой, а второй все еще держась за кровоточащий рот.

– Хочешь, чтобы тебя отчислили? Что тогда скажет отец?

И Куракин замер. Еще несколько секунд назад он хотел разорвать меня на части, а теперь задумался. Видимо, представлял, что говорит отцу.

– Можно сделать все по чести, – сказала Терлецкая.

И по безобразной улыбке Куракина (кстати, серьезного вреда я ему не нанес, лишь губу разбил, и кровь теперь залила зубы) стало понятно, что ничего хорошего мне ждать не придется.

– Как зовут? – с вызовом спросил Дуракин, в мгновение преобразившись. Он выпрямился и пытался отыграть какого-то важного типа.

– Кого зовут? – не понял я, потому что колени после удара еще дрожали.

– Тебя как зовут?

– Макс.

– Фамилия?

– Кузнецов.

– Максим Кузнецов, при свидетелях, для восстановления моей чести, я вызываю тебя на дуэль до обильного кровотечения или увечья. Предлагаю выбрать оружие, которым мы будем биться, либо место проведения поединка. Ответ необходимо дать в течение следующих двадцати четырех часов одному из моих секундантов, – он показал на своих приспешников.

Не сказав больше ни слова, Куракин коротко кивнул и, взяв под ручку Терлецкую, отправился в сторону нашего флигеля. Остальные высокородные послушно поплелись за парочкой, оставив меня и Максимова тихо обтекать.

– Спасибо, – очкарик наконец пришел в себя.

– Да не за что, – я не мог оторваться от спин уходящих.

– Что значит «не за что»? Тебе только что бросил вызов самый опасный из возможных дуэлянтов! Все знают, что Куракин – один из лучших стрелков в мушкетном клубе, а фехтованию высокородные обучаются с детства. У тебя против него ни единого шанса.

Глава 7

– Я же тебе говорил, не лезть к высокородным, – Байков почти бросил ложку в тарелочку с творогом.

Выдержке Димона можно было лишь позавидовать. Он разразился бранью (впрочем, весьма цензурной) еще вчера, после того как я рассказал о случае с Максимовым, и замолчал. Будто вновь обиделся на то, что его новый сосед подставился.

Хотя причиной мог быть и скудный завтрак. Как я уже понял по фигуре нового товарища и его кислой mine при виде блюд в столовке, больше, чем учить жизни, Байков любил покушать. И именно этого домовые-зожники (хотя те действовали не по собственной прихоти) его и лишали. Поэтому вид творога с фруктами и орехами на завтрак вогнал Димона в последнюю стадию древнерусской тоски. А тут гляди, какой удачный повод ее выместить на том, кто рядом сидит. Ну и я, справедливости ради, вполне этого заслуживал.

– Говорил, – подтвердил я, не отрываясь от тарелки. Если Байков доедать не будет, надо у него забрать этот творог. Вкуснота невероятная.

– Почему ты меня не послушал?

– Потому что они издевались над ним, – я указал грязной ложкой на Максимова и сразу же пожалел о резком движении. После вчерашней пробежки болели почему-то не толь-

ко ноги, но и все тело.

Что до Мишки, то он официально был взят под мое неокрепшее крыло. А чего, в самом деле, мне теперь бояться? Дуэль почти на ровном месте я уже схлопотал.

– Да, это, конечно, неприятно, – сморщился Байков, – но можно было сходить за учителями.

– Димон, ну чего ты фигню порешишь? – начинал злиться Рамиль. – Сам же знаешь, они не тупицы. Мишку не били, очки в порядке, получается, слово благородных против нашего. Тебе сказать, как большинство учителей относится к выходцам из обычных семей?

– Не все же, – вяло ответил Байков, ковыряя ложкой творог.

Воцарилась мертвая тишина, которую сразу же разорвал смех через несколько столов. Куракин и компания находились в превосходном расположении духа. Разве что только Терлецкая выглядела непробиваемой и немного отрешенной. Что-то в ней, определено, было.

– Макс, ты опять пялишься, – зашипел Байков.

– Он, похоже, еще и на Терлецкую глаз положил, – со вздохом заявил Рамиль. – А еще только вчера про Тихонову спрашивал.

– Я чисто с информационной точки зрения, – пожал плечами я. – Надо же узнать, с кем придется учиться.

– Только интересуешься ты сплошь про девчонок, – хмыкнул долговязый сосед. – И начал почему-то с буквы «Т».

– Про Терлецкую и думать забудь, – Байков серьезно посмотрел на меня. Наверное, так глядит отец на расшалившегося ребенка. – Они с Куракиным помолвлены. Как только закончат школу – женятся.

– Что-то я неземной любви между ними не заметил.

– Какая там любовь? Куракины контролируют весь рынок одомашненных неразумных магических существ, под Терлецкими – производство и продажа боевых артефактов. Союз обещает быть сильным. Я слышал, конечно, что отец Куракина...

– Дуракина, – перебил я Диму, – давай называть людей своими именами.

Забавно, но на лице Байкова впервые за все это время появилась мимолетная улыбка. Сейчас он стал похож на обычного полноватого пацана, а не на главу фамилии, обремененного таинственными заботами.

– Хорошо, так вот, отец Дуракина хотел породниться со Смолиными. Те отвечают за...

– Разумных магических существ, – вспомнил я, ведь читал как раз накануне.

– Точно, – подтвердил Байков. – Только у Смолиных нет девчонок на выданье. Сплошь пацаны.

– Ясно, а Дуракин оказался таким страшным, что никто из Смолиных брать его замуж не захотел, – подытожил я.

Впервые за сегодняшнее утро за нашим столом полностью была разрушена атмосфера отчаяния. Внезапный хохот при-

влек ненужное внимание высокородных. Те искренне недоумевали, почему жертва, которая должна трястись в ожидании смертного часа, так весело себя ведет. Куракин даже решил напомнить мне, что в обозримом будущем ничего хорошего меня не ждет. Сделал он это незамысловато – провел большим пальцем себе по горлу. Фу, как некультурно... А еще представитель древнего рода.

Однако определенные волнения и правда были. Перед тем как войти в столовую, Максимов передал мне здоровенную книжку «История дуэлей за четыре века», которую он взял вчера вечером в библиотеке. Мишка даже подчеркнул карандашом нужные места (вот ведь вандал), чтобы мне удобнее было читать. Одним словом, принимал всяческое участие в скором поединке с Куракиным, видимо, чувствуя в определенной степени в этом столкновении и свою вину.

– Теперь он будет за тобой повсюду таскаться, – еще раньше заметил Рамиль. И оказался как нельзя прав.

Мишка не отходил от меня ни на шаг. Может, чувствовал себя защищенным в присутствии разночинца, бросившего вызов высокородным. Может, просто ждал возможности в очередной раз услужить своему спасителю. И это была не фигура речи. Стоило мне лишь поднять взгляд, как я встречался глазами с Максимовым, весь вид которого свидетельствовал о готовности служить до гробовой доски. Нет, Байков, похоже, прав: надо было сходить за учителями.

Меня спасли уроки. А если быть точнее, Зыбунина. Миш-

ка сунулся к ней с просьбой пересесть, однако получил категоричное «нет» и грустно отбыл восвояси, на первую парту. Не знал, что так буду рад своему учебному соседству.

Кстати, о Зыбуниной. За прошедшие сутки она невероятно преобразилась. Непослушные волосы оказались расчесаны и скреплены заколкой. Школьная форма сидела ровненько, воротник застегнут на все пуговицы. Да и сам взгляд Зыбуниной как-то изменился: зеленые глаза стали больше, что ли? Блин, да ведь она красotka!

– Привет, – сказал я. – Спасибо, что не поменялась с Мишкой. А то весь мозг с утра съел.

– Привет, не за что, – ответила она, замаявшись.

Видимо, хотела сказать еще что-то, но промолчала. А вскоре начался школьный день, стартовавший с обычных общеобразовательных предметов (нарисовалась физика), и я без зазрения совести открыл толстенную книжку по дуэлям. А что? Физика – она никуда не денется, а драться с Куракиным предстояло буквально на днях.

«Когда речь идет о вооруженном поединке, целью которого стоит необходимость удовлетворить желание одного из дуэлянтов, то необходимо понимать самое важное: нельзя вызывать к барьеру любого не понравившегося вам мага...»

На этих строчках я даже приободрился. Может, Байков ошибался, и все не так уж и плохо?

«Дуэль оправдана лишь в том случае, когда поругана честь одной из сторон, либо участвующий желает защи-

тить честь третьего лица. В случае, когда обвинения не обоснованы и некто намеренно занимается бретерством, пострадавшая сторона может обратиться за защитой с соответствующим заявлением в Конклав...»

Вот тут я сник. Удар по зубам высокородного, да еще в присутствии его невесты, – уж всяко веский повод вызвать на поединок. Только теперь я понял, почему Куракин и компания выбрали своей целью Максимова. Потому что беззащитнее объекта трудно было придумать. Что он мог? Если только вызвать Куракина на дуэль. Так это было бы откровенное самоубийство.

«В случае дуэли между благородными условия поединка могут оговариваться. Дуэль с разночинцами всегда происходит по правилам дуэльного кодекса...»

Так-так, а это у нас где? Вот.

«Поединок между магами может осуществляться любым из колющего, огнестрельного или метательного видов оружия, способных нанести серьезный вред или повлечь за собой смерть одной из сторон. В данном случае применять можно лишь защитную магию. Поединок может быть остановлен в случае обильного кровотечения или увечья одной из сторон. Смертельные дуэли, как правило, редки и осуждаются обществом».

Я поглядел на черно-белые картинки: шпаги, старинные пистолеты, мушкетеры, арбалеты, метательные ножи, даже праща. Это вообще из какого века? Нет, Байков абсолютно

прав: у меня нет ни шанса.

Далее шли виды стоек, количество шагов и выстрелов, да много чего еще. Большая часть книги была посвящена конкретным поединкам и их разбору по разделам. Основные главы занимал огнестрел, далее шло холодное оружие (оказывается, в южных губерниях России частенько дрались и на кинжалах), а метательные замыкали тройку. Оно и понятно: время луков и арбалетов безвозвратно ушло.

Чем больше я читал, тем больше портилось мое настроение. На первый взгляд, не существовало ни одной лазейки, чтобы спасти будущего великого мага, меня, то есть. Я лишь нашел небольшую отсрочку.

Как и сказал Куракин, по кодексу ответ я должен был дать самое позднее через сутки. Кто бросал вызов – лишался права выбора оружия или места проведения. Я могу выбрать: либо чем драться, либо где это произойдет. Насколько помню Козловича, он говорил, что для поединков у них существует отдельное место. Соответственно, надо выбрать оружие, что и должно было стать моим преимуществом. После этого у нас будет еще три дня для самого поединка.

Я так увлекся, что даже не сразу понял, почему все встали и принялись шумно переговариваться.

– Максим, у нас перемена, – объяснила Зыбунина. Она поджала губы и добавила: – Если ты хочешь, я могу наложить защитные чары для твоей дуэли.

– Защитные? – еще витая в области поединков, переспро-

сил я.

– Я не так сильна в них, как моя мама, но кое-что могу. Они помогут хоть как-то уберечь тебя.

– Спасибо. Нет, честно, спасибо, Катя.

Зыбунина улыбнулась и почему-то покраснела. Чего это она? Я хотел было вернуться к книге, однако тут в аудитории появился прелюбопытный персонаж. Невысокий поджарый мужчина с длинными волосами и чуть съехавшим набок носом тащил внушительную тележку, накрытую темным полотнищем. При его появлении все ученики вытянули шеи, прям как сурикаты, увидевшие опасность. Только в данном случае это скорее можно было назвать любопытством.

– Три вида существ, которые водятся в наших широтах, – начал незнакомец без всякого предисловия.

По всей вероятности, это был учитель «Мифологии родного края», по крайней мере, так значилось в расписании. Стоило ему заговорить, как все без лишних слов сели на свои места.

– Не было же звонка на урок еще, – шепотом возмутился я.

– Это Петрович, – объяснила Зыбунина тоже вполголоса, – он всегда начинает и заканчивает, когда захочет. Ты лучше сам смотри и слушай.

Говорил Петрович быстро, сфокусировавшись на одной точке посередине учительского стола, словно там была написана вся лекция. При этом я не заметил ни единого смешка

или шороха. Все действительно слушали странного учителя.
– Кикимора.

Петрович сдернул часть полотнища, и нам предстало любопытное существо в клетке. Крохотное, с короткими ногами, неестественно длинными и мохнатыми руками и огромной головой, оно, казалось, состояло из множества веток. Кикимора пучила желтые глаза, вертела длинным носом, постоянно задевая им клетку, и быстро перескакивала с места на место.

– Как и большинство существ, для немощных кикиморы невидимы, – продолжал Петрович, не обращая внимания ни на то, как поднялись почти все ученики с места, пытаясь разглядеть невидаль, ни на саму суету узницы. – Нрава беспокойного, быстро бегают. Способны общаться как животной речью, так и человеческой. Но чаще всего любят попросту стучать по ночам. Кикиморы – своеобразный человеческий паразит. Селятся в домах на отшибе рядом с мало-мальским источником силы, питаются объедками, особого вреда не доставляют, однако и пользы от них никакой. Если встретитесь с ними, то не бойтесь, вашей силы вполне хватит, чтобы отогнать кикимору.

Ага, конечно, особенно моей. Я тут простейшее заклинание сотворить не смог, а он говорит про то, чтобы избавиться от этой страшилищи. Скорее уж, кикимора будет гнать меня разными вонючими тряпками.

– Аука, – Петрович сдернул полотнище со второй клет-

ки, — или псевдолеший.

Едва свет озарил клетку, как небольшой плотный комок, нечто среднее между упитанной кошкой и крохотным старичком, заметался.

— Это тоже паразит, только уже более умный и опасный. Он питается напрямую жизненной энергией. Если путников много, им ничего не грозит. Но вот одинокого странника аука заведет в самые дебри, где тот может погибнуть.

Именно в этот момент существо замерло, точно прислушиваясь. Я смог рассмотреть вытянутые уши с толстыми мочками, седую бороду, крючковатый нос и огромные ступни. Все-таки этот аука был похож на человека намного больше, чем кикимора. Но выглядел более угрожающе. Может, причиной тому его вертикальные зрачки?

Существо задрожало, седая борода мелко затряслась, и «старичок» вдруг выдал странный звук:

— Ау-у-у! Ау-у-у!

Похоже было, словно кричит заблудившаяся молодая девушка. В голосе слышалось столько отчаяния и страха, что я невольно вздрогнул. Впрочем, как и многие другие.

— Если леший — хозяин леса, то аука — мелкий пакостник, — продолжал Петрович. — Опытному магу он серьезного вреда не причинит. Вы сами помните, как можно определить наличие места, заполненного силой.

Петрович по-прежнему смотрел в стол, но теперь поднял руку и стал загибать пальцы.

– Первое. Аномальное изменение температуры. Например, если холодной ночью вам становится жарко, как днем – поздравляю, вы в месте силы. Второе, – еще один палец загнулся, – резкие запахи. Они могут быть разными, приятными и не очень. От сильной вони сероводорода до аромата женских духов. Всех их отличает то, что в данном случае они неуместны. И последнее, – он загнул третий палец, – яркий свет, появляющийся неожиданно. Как правило, на короткое время. Запомните, это очень важно.

Максимов не просто запоминал, а скрипел шариковой ручкой. Молодец, потом перепишу у него, почитаю еще разок. Информация серьезная. А Петрович все продолжал:

– Прошу не путать существ с магическими животными. Последних можно приручить. Существа же – своего рода разумные другого вида, как жители какой-нибудь Альфа-Центавры. С некоторыми из них можно найти общий язык, с некоторыми – нет. Важно понимать, какие из них опасные, каких возможно обратить себе на пользу. К тому же существа и есть источники силы, потому что являются ее порождениями. Поэтому их наличие рядом с опытным магом легко вычислить. Хорошо, теперь, чтобы немного разбавить нашу компанию... – Петрович сдернул полотнище с последней, третьей клетки. – Лесавки.

Сейчас поднялся на ноги весь класс, а часть даже сделала несколько шагов вперед, чтобы разглядеть крох. Те были малюсенькие, размером чуть больше ладони. Самые на-

туральные голые человечки в миниатюре. Только из-за торчащих кустами в разные стороны волос издали казались похожими на обычных ежей. Вот мелькнет лесавка под ногами в листьях – так и подумаешь: еж.

– Несмотря на кучу мифов, лесавки абсолютно безвредны для магов. Скорее даже не так, они наиболее нейтральны к людям. Наши сферы деятельности попросту не пересекаются. Они живут с весны по раннюю осень в своем мире, после чего уходят пережидать зиму внутрь деревьев, мы же существуем в своем. Максимум, что может сделать лесавка, которую потревожил человек, – обломить на него небольшую ветку или насыпать трухи за шиворот. Они очень любят селиться у самых рукавов рек, в том месте, где река расходится в разные стороны.

Петрович жестом показал форму того самого рукава, будто на доске начертил. Я следил за его движениями как замороженный.

– А на кой ляд они тогда нужны? – не выдержал Куракин.

Все одноклассники зашикали на него. Интерес к предмету оказался сильнее страха перед высокородным. Но самое забавное, Терлецкая была среди тех, кто возмущался больше всех.

– Они... нужны... Они... Это...

Петрович поднял взгляд, и его ярко-синие глаза теперь бежали, словно учитель больше не управлял ими, а губы дрожали. Он все силился сказать что-то, объяснить, однако не мог

совладать с голосом. В какой-то момент он попросту бросился к полотнищу и резкими движениями стал накрывать клетки. А после схватил тележку и чуть ли не бегом направился с ней к выходу.

Вот теперь шум превратился во всеобщий гвалт. Одноклассники накинулись на Куракина подобно ястребам, увидевшим лакомый кусок. И для побледневшего Сашки хуже было, что «свои» не особо и пытались защитить его. Тот перебил интересный рассказ, ненароком смутил странного учителя. И тут уж никакая высокородная кровь не могла его уберечь.

– Придурок, – шепотом сказала Зыбунина, исподлобья глядя в сторону Куракина. Ее слова явно адресовались мне. – Петровичу трудно с людьми, но он очень сильный маг и замечательный учитель. Нас предупреждали, что единственное, чего не надо делать, – перебивать его.

Я кивал в ответ на ее слова, стараясь сдержать улыбку. А то еще подумает, что я тоже издеваюсь над всеобщим любимцем. И не потому, что сейчас моего врага пытались заклевать почти все одноклассники. Сам того не зная, новый учитель дал мне подсказку о том, как можно выиграть дуэль. Спасибо тебе, Петрович, спасибо вам, лесовки, и держись, Дуракин!

Глава 8

До драки не дошло. Появилась прямая, как кочерга, Елизавета Карловна и жесткой рукой быстро навела порядок. К слову, у нас следующим уроком и так был этикет. Просто он начался намного раньше. И несмотря на некоторые опасения, это оказалось весьма забавным действием.

– Итак, ко мне выходят Тусупбаев и Зайцев.

На ноги поднялся уже знакомый мне казах Азамат, тот самый, который мастерски избегал пробежек, и скуластый парень с идеальным пробором и серебряным значком на груди в виде летящей стрелы. Угу, ясно, благородный.

– Итак, Алексей, вы встаете здесь; Азамат, вы здесь. Вводная такая. Вы, – она указала на казаха, – безродный маг, явившийся в канцелярию, чтобы обратиться с заявлением о нарушении магическим сообществом ваших прав. Вы, Алексей, благородный чиновник Конклава. Я понимаю, что подобное представить очень сложно, но прошу вас, господа, напрягитесь.

Хмыкнул не я один. А эта самая Елизавета Карловна – знатный тролль. Интересно, сколько ей лет? Четкеров говорил, что завуч преподавала, еще когда он сам учился.

Между тем Тусупбаев подошел к Зайцеву, окинул того своим раскосым взглядом и протянул руку:

– Здравствуйте, уважаемый.

– Сразу нет! – отрезала завуч. – После подобного обращения любой уважающий себя человек развернулся бы и ушел прочь. Ну, или, чтобы вам было более понятно, сел на коня и ускакал в степь.

Азамат покраснел, а несколько благородных хихикнуло.

– Разве мы тянем руку незнакомому магу? – ехидно спросила Елизавета Карловна. – Далее: как мы обращаемся к любому человеку, которого видим первый раз? Максимов, скажи.

– Господин, Елизавета Карловна.

– Правильно. Максимов, а что сделал Тусупбаев?

– Он заметил значок благородной фамилии и сказал начальную форму обращения к дворянам.

– Именно. Азамат, как эта форма звучит полностью?

Казах задумался, но, к моему удивлению, все же вспомнил. И, чуть запинаясь, сказал:

– Уважаемый господин Зайцев?

– Замечательно. Будем думать, что вы действительно знаете, как выглядит фамильный герб Зайцевых. Но что будет, если значок на груди вам незнаком? Нет, Максимов, Тусупбаев сам ответит. Он это прекрасно знает.

– Тогда следует ограничиться нейтральным «господин».

– Верно. Без всяких «уважаемых». Только в этом случае вы покажете степень своего невежества, не обратившись по полной форме. Поэтому мой вам совет: не спите на геральдике. Продолжаем.

Следом выходила куча мальчишек и девчонок, разыгрывая разные ситуации из жизни. Как я понял, сегодня был практический урок. И надо сказать, мне он очень понравился. В таком ключе все запоминалось значительно быстрее и проще, чем при тупой зубрежке. Меня, к огромному облегчению, Елизавета Карловна не вызвала. Хотя мы несколько раз встречались с ней взглядами. Пожалела? Может быть.

В любом случае, день прошел не так уж и плохо. За обедом я поделился с Байковым своей уловкой по поводу поединка, чем привел того в искреннее замешательство. Дима даже выхватил книгу по дуэлям, несколько раз пробежал глазами кодекс и с некоторой долей восхищения посмотрел на меня.

– А ведь может получиться. Только скажи, ты действительно мастерски владеешь этим самым видом оружия?

– Да это и не прям оружие, – улыбнулся я. – Не знаю, как у вас, высокородных, но у нас во дворе все им пользоваться умели. А мне отчим даже усиленную версию сделал. Вот я и натренировался. Проблема только в другом. Насколько я понял из кодекса, нам нужно две штуки, для меня и Куракина. Где взять материал для изготовления, спрашивается?

– Известно где, – Байков не обращал внимания на Рамиля и Мишку, которые буквально глядели нам в рот, не понимая, о чем идет речь. – После тренировки к домовым на поклон отправимся.

На том мы и порешили. И надо сказать, даже пробежка

далась мне не так тяжело, хотя мышцы протестовали против подобного издевательства. Я их понимаю. По-хорошему, мне бы отлежаться пару деньков, но Якут был неумолим.

Для меня атлетический клуб был чем-то непонятным. Мушкетный и фехтовальный как минимум могли пригодиться при дуэлях. Ну и вообще, умение обращаться с огнестрельным и холодным оружием вряд ли для любого в жизни станет лишним. А чему способны научиться здесь мы? Непонятно. От заклинания не убежишь, от пули – и подавно. К тому же Якуту было попросту неинтересно, как мы выполняем его распоряжения.

– Я, кстати, видел тренера в саду, – еле дыша, сказал Мишка, когда я поделился с товарищами своими соображениями.

Сегодня Максимов бежал с нами. Пыхтел, обливался потом, спотыкался, но старался не отставать.

– Так он чего тут, на полставки? – удивился Рамиль.

– Судя по разнообразию тренировочного процесса, он с такой же легкостью может быть еще и дворником, – задыхаясь, в несколько подходов сказал я. – Кстати, что там с водяным вчера? Видели?

Сосед разочарованно махнул своей худой рукой, мол, даже не начинай. Ну слава богу, а то было бы обидно и на дуэль нарваться, и водяного прозевать.

Тихонова со своей подружкой вновь пару раз обогнали нас. Только теперь Вика посмотрела не с насмешкой, а скорее с легкой заинтересованностью. И я знал причину подоб-

ного отношения. Новость о моем грядущем поединке с Дуракиным уже облетела всю школу. Поэтому каждому вдруг стало интересно, что это за новенький, которого в скором времени размажет высокородный.

— Заканчиваем, — Якут появился перед нами на очередном круге. Он поглядел сначала на Максимова, а потом на нас с Рамилем и добавил: — Молодцы.

Но мы его уже не слушали, помчавшись к флигелю, чтобы встретиться с Димкой. На нас смотрели как на полоумных. Даже Азамат, который пробежал в общей сложности всего кругов пять, неторопливо шел обратно. Если честно, я сам не понимал, откуда взялись силы. Но хотелось побыстрее отправиться к домовым. До того, как появятся секунданты от Куракина.

Байкова мы застали врасплох. Тот, еще будучи в защите, шарил под матрасом с самым вороватым видом. При звуке хлопнувшей двери Дима подскочил, сжав свою пухлую руку с уже зажатой добычей, и попытался спрятать ее за спину. Но куда там... Ищейка по имени Рамиль вышла на охоту.

— Димон, это у тебя чего там?

Не будучи обремененным ни должным воспитанием, ни наличием природного такта, мой сосед подскочил к Байкову и с легкостью потащил того за руку. На удивление, в этом длинном и сухом парне было необычайно много силы. Не той, которая нужна каждому магу, а физической.

Рамиль, не обращая внимания на вялые сопротивления

Димы, разжал пальцы и представил на всеобщее обозрение три мятых, подтаявших шоколадных конфеты. Видимо, их Байков откладывал на черный день.

– О! – присвистнул Рамиль, забирая сразу одну.

Я его понимал. Нам чай-то давали не всегда сладкий. Видимо, у главного повара школы с сахаром были какие-то свои счета. Про конфеты и говорить нечего. Однако попытку раскулачить Байкова я пресек сразу:

– Рамиль, верни.

– Макс, ты чего? У него еще две. Возьми себе одну.

– Рамиль, немедленно верни ему конфету!

Я подобрался и стиснул кулаки, готовый к любому развитию событий. И сосед заметил это. Он легкомысленно пожал плечами, мол, чего из-за такой ерунды ссориться, и положил мятую конфету, уже потерявшую всякий намек на изначальную форму, назад, в ладонь Байкову.

– Если мы живем вместе, это не значит, что можно брать все, что нам захочется, – объяснил я свое поведение Рамилю. – У каждого есть личные вещи.

– Подумаешь, я вот когда приеду из дома, вам по несколько килограммов конфет привезу, – заявил долговязый сосед с некоторой обидой.

– Привезти можешь что угодно, – отвечал Байков, переложив свое сокровище на кровать. – Вот только отберут у тебя все. Поэтому я и хранил их. Это не просто лакомство, а своего рода валюта.

Не объясняя больше ничего, он переоделся, покидав фехтовальную защиту в шкаф безо всякого порядка. Я быстро сбегал в душ, по привычке аккуратно сложив спортивный костюм на свою полку, после чего переоделся снова в школьную форму. В домашней футболке ты мог находиться в комнате. Но для выхода во двор, даже просто чтобы погулять, необходимо было вновь соблюдать дресс-код.

Дождавшись Максимова, мы уже все вместе двинулись за противоположную сторону флигеля второго курса. Там находились разные хозпостройки и бойлерная. И именно здесь почему-то обитали домовые.

Стоило немного отойти от школы, пышущей богатством и лоском, как ты уже оказывался в совершенно другом мире. Каждая мелочь здесь свидетельствовала о том, что неживой, выставляемой напоказ красоте местные обитатели предпочитали практичность. Стояли у стены грабли, тяпки и лопаты, с засохшими на них комьями земли. У входа в дальнюю постройку, похожую на сарай, были свалены старенькие, местами прохудившиеся жестяные ведра. Сохла на множестве бельевых веревок школьная форма всех возможных размеров (я и раньше предполагал, что каждое утро приносят свежую одежду, а теперь лишь убедился). Чуть дальше виднелись наполненные мыльной водой тазы. Все свидетельствовало о том, что здесь только что кипела жизнь. Но все бросились наутек, стоило мне приблизиться.

И да, к домовым я пошел один. По словам Байкова, кро-

хотный народец вообще не любил гостей. А уж если к ним ввалиться толпой, то все было бы совсем прискорбно. Поэтому товарищи остались у флигеля второго курса. Да и если ничего не выгорит, то страдать буду я один. Домовые народ мстительный. А каждый школьник зависит от них чуть больше, чем полностью. Но об этом я старался не думать.

Я положил те самые конфеты на малюсенькое блюдце, которое Рамиль заранее стащил в столовке с собой, и чуть дрожащим голосом произнес:

– Батюшка Петр, приходи ко мне за угощением и удостоим своего общения.

Этому меня тоже научил Байков. Как любой благородный, он знал множество тонкостей о магическом мире, в том числе и о разговоре с домовыми. Мишке не пришлось даже бежать в библиотеку за необходимой книжкой. Если бы я не знал никого из домовых, то нужно было сказать просто «батюшка». Но тогда и вызов мог сработать с меньшей вероятностью. Пришлось бы надеяться исключительно на угощение и алчность вызываемого.

А так, не успел я подумать, выгорит ли, – глянь, передо мной нарисовался Петр. В той самой цветастой рубашке, широких штанах и опять босой. Он без раздумий сгреб потерявшие всякий товарный вид конфеты, внимательно посмотрел на блюдце, словно ожидал еще чего-то, а потом перевел взгляд на меня.

– Какой же я тебе батюшка, паря? – искренне удивился

он. – Петр и Петр. Чего хотел?

– Мне бы хорошую резинку, крепкую. И нож поострее. На время.

– Для чего? – посуровел Петр.

Я не стал юлить, а выложил все, как оно было. Байков предупредил, что врать домовым не нужно. Если сейчас получишь небольшую выгоду, то со временем, когда правда выйдет наружу, станет только хуже. Домовые – народ чрезвычайно памятный.

К удивлению, чем больше Петр расспрашивал о моем предполагаемом обидчике, тем шире расплывалась улыбка на его лице. К концу рассказа домовой чуть ли не приплясывал, задав только тот же вопрос, что и Димка:

– Ты сам-то стрелять с нее умеешь?

– Определенный навык есть, – признался я, вспомнив пару окон и фонарь.

– К завтраму дню будет готово. Две штуки, в лучшем виде. После обеда зайдешь.

И исчез. Вот так да... Интересно, что сделал Куракин для подобного отношения домового? Хотя, уже немного зная высокородного, мне казалось, что он даже особых усилий не прилагал.

Пусть день еще и не закончился, но все необходимое я выполнил. Поэтому, как и было задумано, отправился к лесу, захватив несколько учебников. Так я сделал специально, потому что не хотел, чтобы Байков и Рамиль хоть как-то ока-

зались замешаны в этой дуэли в роли свидетелей или секундантов. Нечего им светиться и давать понять, что они при делах. Мишки вполне хватит. К тому же он все равно увязался за мной. Заодно Максимов решил поучить меня Мороку.

– Главное тут – концентрация, – вещал он, поправляя съехавшие очки. – Ты должен сосредоточиться, отогнать все прочие мысли.

– Да я сосредотачиваюсь.

– Тогда странно, – признался Максимов. – С твоей-то силой.

– Какой еще силой?

– Понимаешь, все зависит не только от того, как использовать силу, но и от того, кто это делает. Нам об этом Наталья Владимировна рассказывала на первом уроке. Так вот, больше всего магической силы у рожденных. Они могут практически не бояться того, чтобы исчерпать себя. У проснувшихся, таких, как я, все сложнее. Мы – своего рода резерв для силы. Запасной аэродром, если можно так выразиться. Когда не остается подходящих кандидатов, сила использует нас.

Забавно, как меняются люди, говоря о вещах, которые их поистине интересуют. Выглядел Максимов невзрачно – худенький, невысокий, в очках, делавших его еще непримечательнее, – но вдруг он преобразился. Плечи расправились, глаза загорелись, и в нем появилась сила. Не магическая, но при этом не менее мощная.

– У уникумов все по-другому. Изначально это огромные

сгустки волшебной энергии. Проблема лишь в том, что у них нет тормозов, и сила может восстанавливаться гораздо медленнее.

– У меня одна проблема. Пока что эта самая сила крайне слабо себя проявляет.

– Вдруг это и хорошо? Ты привыкнешь к ее крупицам. И тогда вероятность исчерпания будет намного меньше.

Я пожал плечами. Так-то, может, и так, но пока я был маг-пустышка. И больше всего хотелось проявить свою силу, тем более в памяти остался тот самый управляемый смерч и ощущение всемогущества.

Словно поняв, о чем я думаю, Максимов продолжил:

– Вот смотри, заметил, что мы с Рамилем бегаем хуже всего?

– Это трудно не заметить, – хмыкнул я.

– Все лишь потому, что мы не тратим силу. Хотя Рамиль, наверное, просто не умеет пока этого делать, я же специально. А ведь с начала года даже девчонки теперь бегают намного быстрее, стали выносливее. Всё почему?

– Используют силу.

– Именно. Тратят ее на всякие пустяки. Про то, что половина из них стали лучше выглядеть, я вообще молчу. У той горбинка с носа ушла, у этой уши теперь меньше.

– А у Тихоновой? – спросил я.

– Что у Тихоновой? – осекся Мишка.

– У нее внешность изменилась?

– Вроде не особо.

– Вон он, – слышался голос совсем рядом.

Я обернулся и увидел тех самых двоих – здоровяка с едва наметившимися усами и псевдокаратиста с лицом, будто у него под носом наделали кучу, который в прошлый раз показал мне какую-то диковинную стойку. Урок не прошел зря. Я запомнил их золотые значки и, как человек любознательный, нашел, к каким фамилиям они принадлежат.

Воюющий волк – герб Тинеевых. Высокородные отвечали за рынок магических наемников. То есть если ты хотел работать сам на себя, то тебе надо было вступить в своего рода гильдию. Другими словами, сначала разово заплатить небольшую сумму семье, чтобы кто-то мог нанять тебя. А после отстегивать процент с каждого контракта. По мне – замечательный бизнес. Сидишь на попе ровно, ничего не делаешь и получаешь деньги. Осталось выяснить, каков был процент, чтобы составить полноценную картину.

Открытая книга на груди невысокого парня с презрительным лицом – герб Аганиных. Эти ребята были намного умнее и более ловкие, чем Тинеевы. За ними был магический классификатор – книга, содержащая в себе почти все известные заклинания, зелья и артефакты.

Как это работало? К примеру, ведьмак создает волшебную микстуру. Собственно, у него два выхода: первый – он оставляет рецепт за собой. Только в этом случае Конклав налагает на него нехилый процент. И выходит все так, что де-

ло не стоит выеденного яйца. Второй вариант – продать Аганиным. Тогда ведьмак не только получает плату за зелье, но и может изготавливать его для личного потребления в тех объемах, в которых захочет.

Аганины же отбивают свои деньги тем, что в дальнейшем создают свиток единичного использования и продают его. Они как раз налоги почти не платят, что установлено в законах о фамилиях. Нужно тебе еще зелье – покупай снова. С заклинаниями там было вроде чуть попроще, однако общий смысл я уловил.

И вот именно два представителя этих высокородных фамилий приблизились к моей скромной персоне. Я поднялся заранее, стараясь соответствовать дуэльному кодексу.

– Господин Кузнецов, – с некоторой издевкой обратился Аганин, – мы секунданты высокоуважаемого господина Куракина. Имею честь представиться, Сергей Аганин.

– Владислав Тинеев, – пробурчал здоровяк, даже не сделав попытку казаться приветливым.

– Мы прибыли для обозначения условий скорого поединка.

– Очень хорошо, – я чуть поклонился, пряча рвущуюся улыбку. – Высокоуважаемые господин Аганин и господин Тинеев, для начала хочу представить вам своего секунданта, Максимова Михаила.

Мишка так резво поклонился, что с него чуть не слетели очки.

– Я принял предложение высокоуважаемого господина Куракина и оставил за собой право выбрать оружие.

– Замечательно, – не скрывая скорого восторга, ответил Аганин. – Могу узнать, какое?

– Метательное, – я вспомнил еще раз жест Петровича, когда он рассказывал о месте селения лесавок. – Дуэль состоится на рогатках.

Глава 9

Именно подобное оружие (в кавычках, естественно) стоило выбрать хотя бы для того, чтобы увидеть вытянувшиеся лица высокородных. Секунданты сначала думали, что я шучу или издеваюсь. Не без усилий, однако мне удалось их убедить в серьезности своих намерений.

И вот тогда все и завертелось. К концу дня меня вызвал сам Козлович, поэтому мне вновь пришлось лицезреть коридор с зелеными обоями. Я с удивлением рассматривал кабинет куратора, отмечая про себя, что совершенно ничего не знаю о Викентии Павловиче. Во-первых, бросились в глаза сложносоставленные комбинации рун над входом. Моих познаний не хватило, чтобы определить их назначение. Да что там, я даже не все разобрал. Надо все-таки поднажать с руноведением.

Во-вторых, вся стена за моей спиной оказалась увешана фотографиями. Я успел лишь мельком обратить на них внимание. Все сплошь черно-белые, на многих какие-то незнакомые люди и... не только. Козловича я успел различить лишь на парочке. Он, казалось, совсем не изменился. На ближайшей куратор был даже в военной форме в окружении однопольчан. Нет, что маги живут подолгу – я подозревал. Просто не знал, что они вмешиваются в дела немощных. В смысле, обычных людей.

В-третьих, стена уже за спиной самого Козловича красовалась различными схемами, планами, сложными формулами, из которых мне изредка были понятны лишь цифры. Обычные предметы в виде шкафов, маленьких статуэток, высокого стола и множества гнутых стульев, я в расчет не брал.

– Присаживайтесь, Кузнецов, – спокойно сказал куратор, пристально глядя на меня.

Я взобрался на стул, ожидая, что тот окажется жутко неудобным. Но нет, сел – и желания ерзать, выискивая более комфортное положение, не возникло. Даже руки сами собой легли на подлокотники. Странно, думал, что буду чувствовать себя не в своей тарелке, однако ничего подобного и в помине не было.

Козлович тоже приземлился на стул напротив меня.

– Ко мне пришел запрос от ученика Куракина на проведение дуэли.

Только сейчас я заметил, что Козлович специально отказался от привычного «высокоуважаемого господина», дав понять, что для него и я, и Дуракин – всего лишь ученики.

– И вслед за ним почти сразу же протест, – продолжил он.

– Протест?

Я сделал удивленное лицо, хотя понял, о чем идет речь. Книжку читал. Одна из сторон могла подать протест (обычно Конклаву, но в данном случае – руководству школы), если другая не соблюдает дуэльный кодекс. Как только Куракин

понял, что все пошло не по его сценарию, то сразу побежал жаловаться. Я почему-то был даже не удивлен.

— У меня значит, — Козлович взял один из листков, — что в виде оружия выбрана рогатка. Классификация — метательное. Место проведения — площадка для спортивных игр.

— И что не так? — я сделал вид, что до сих пор не понимаю, в чем загвоздка.

— Ученик Куракин настаивает на том факте, что рогатки не являются оружием, потому на них невозможно сражаться.

— Хорошо, завтра, как только будут готовы оба экземпляра, я докажу, что это можно считать оружием. После тренировки клубов.

— Это все, что я хотел услышать, — спокойно ответил Козлович, приглаживая клочок бороды, однако глаза его источали веселье. Видимо, данная ситуация довольно сильно забавляла куратора.

Конец дня и начало нового прошли в предвкушении. У меня все же не проходил легкий мандраж, потому что судьба предприятия теперь зависела от Петра. Оставалось надеяться только на личную неприязнь домового, которую тот вряд ли мог так искусно сыграть.

Однако облегчение пришло, стоило мне прибежать в комнату после всех уроков. словно два брата-близнеца, на моей кровати лежала пара рогаток, которые более уместно было бы назвать произведениями искусства. Сами рогатины изготовлены из сухого твердого дерева, с вырезанными канавка-

ми и толстой резинкой, довольно сильно напоминающей медицинский жгут. Та оказалась крепко перехвачена стяжками по бокам, а посередине Петр прикрепил кожаный кожеток. Не знаю, во всем ли домовые такие мастера, но у нас во дворе за подобную рогатку если бы не убили, то крепко подрались бы.

По размерам они вышли чуть меньше, чем я рассчитывал, однако и такими малышками можно было наворотить дел. Больше всего мне хотелось сейчас побежать к Козловичу, но мы условились о другом времени. Поэтому пришлось лишь похвастаться приобретением перед товарищами, переодеться и топать на тренировку.

На удивление, несмотря на забитые мышцы, общую усталость и жару (для конца сентября погода разыгралась не на шутку), бежалось довольно легко. Наверное, потому, что мысли были заняты совсем другим. Я даже не обращал внимания на обгоняющих и шушукающихся одноклассников и одноклассниц.

– Макс у нас теперь звездой стал, – пыхтел Рамиль рядом. – Все только о нем и говорят.

– Меняю славу на что-то более практичное. К тому же, как я понял, теперь все благородные против меня.

– Вовсе нет, – «умирал» позади нас, но все же держался из последних сил Мишка. – Ты слишком плохо знаешь дворян. Большинство все бы отдало, чтобы насолить высокородным.

– Чем больше я узнаю благородных, тем больше мне нра-

вятся собаки, – переделал я известную фразу.

После окончания тренировки, которую я упорно отказывался таковою называть, наша троица традиционно помчалась к флигелю. Короткий поход в душ, переодевание, ожидание Байкова, который в этот раз задержался, – и мы уже готовы к демонстрации боевой мощи рогатки.

Козлович находился на месте дуэли. Вытянутое поле со скошенной травой через пролесок после башни Чародейства больше подходило для игры в футбол. И судя по воротам без сеток, именно этим здесь временами и занимались. Непонятно только, кто. Но также я заметил и расставленные на одинаковом расстоянии мелкие белые камешки. И сразу понял, для чего они. Дуэль происходила на определенном количестве шагов – чем сильнее последствия для сторон (к примеру, поединок на смерть), тем значительнее расстояние. Об этом я тоже читал.

Куратор позвал меня к себе, указав на шесты, воткнутые в землю. На каждом из них красовались небольшие глиняные горшки. Все было предельно просто. Мне надо разбить несколько, чтобы доказать серьезность оружия.

Посмотреть на представление собралась подавляющая часть моего класса, а также несколько второкурсников. Этих можно было отличить по разноцветным повязкам на руках. Пришли, само собой, и высокородные, вставшие в стороне и внимательно наблюдавшие за каждым моим действием.

– Я взял на себя смелость подобрать снаряды, – Козлович указал на небольшую корзинку.

Наверное, это были те самые пули для мушкетного клуба – крупные железные шарики. Мне думалось, что у них там просто название такое старое, а тренируются ребята на современном оружии. Ну да мне даже лучше. Потому что снаряды оказались намного удобнее камней, к которым я морально готовился. Теперь осталось самое важное.

До горшков было чуть больше метров тридцати. Сущие пустяки для меня, как бы горделиво это ни звучало. Но именно сейчас я решил поиграть с высокородными, искоса наблюдая за Куракиным. Поэтому поднял руку с рогаткой, вложил шарик в кожеток, медленно оттянул резинку и... промазал.

Собравшаяся толпа возбужденно зашумела, да и сам высокородный позволил себе снисходительную ухмылку. Впрочем, он так и не сводил с меня взгляда. Второй выстрел ушел вслед за первым, и теперь слышались издевательские выкрики. Куракин уже хлопал по плечам своим секундантам и показывал на меня пальцем. Ладно, поигрались, и хватит.

Следующие три выстрела заставили всех замолчать, потому что каждый заканчивался треском глиняной посуды. Я хотел было продолжить, однако меня остановила крепкая рука Козловича.

– Оружие признано пригодным для дуэли, – громогласно заявил куратор. – Протест отклонен, поединок состоится в установленный срок.

Вот, наверное, с этого момента, когда миру предстал бледный Куракин, и началось самое важное.

Следующие дни, пока я вечерами тренировался в лесу под неусыпным вниманием товарищей, мне поступило несколько недвусмысленных намеков от благородных различных мастей. Мол, никто бы не хотел обострения конфликта, и лучшим выходом из ситуации стало бы мирное разрешение этого недоразумения. Приводились примеры из истории, невзначай говорилось о могуществе великих семей и что с ними ссориться не стоит. В общем, в дело шло все – от красноречивых увещеваний до банальных угроз.

Я понимал, откуда растут ноги этих многочисленных доброжелателей, и на душе делалось приятно. Куракин боялся, значит, все шло именно так, как и должно было. А когда Миша, частенько отирающийся в библиотеке, прибежал растрепанный и с лихорадочным блеском в глазах стал рассказывать еще об одном происшествии, стало совсем весело.

– В общем, пришел этот самый Аганин – и давай требовать все книги о рогатках.

– И что? – руноведение сразу ушло у меня на второй план.

– Да ничего. Оказывается, у нас есть куча книг по зельям, заклинаниям, мифологии, артефактам, но вот про рогатки почему-то нет.

И все же за день до дуэли Куракин обзавелся необходимым метательным оружием. Где он его взял – никто нам, конечно, не сказал. Школьные домовые вряд ли стали бы по-

могать зазнавшимся высокородному, однако факт оставался фактом.

К исходу обозначенного времени, после пробежки, которая не казалась таким уж жутким занятием, школа стала собираться на пустыре со скошенной травой. Козлович оказался прав: дуэли были явлением редким, и до них старались не доводить. Но если случалось подобное представление, то его не мог пропустить никто из учащихся.

Помимо куратора, из учителей присутствовал сутулый Петр Семенович, незнакомая мне еще медсестра – пухлая бабушка с седыми волосами, уложенными в косу, и – вот сюрприз! – Елизавета Карловна. Не думал, что подобное ей будет интересно. Учеников я не считал и не всматривался в них. Казалось, тут были почти все, включая третьекурсников.

Нервничал ли я? Несмотря на уверенность в собственных силах и оружии, да, очень. Возле Куракина толкались товарищи, будто поглаживая высокородного, при этом не касаясь его. Терлецкая стояла поодаль, рядом со своей подругой, словно происходящее ее не волновало. А ведь именно она была идейным вдохновителем дуэли.

– Чары на физическую защиту, – негромко сказал Байков, глядя не на холодную красавицу, а на Куракина. – Тебе придется очень постараться. С первого раза ты его не пробьешь. Макс...

Димка замолчал, засунул руку в карман и выудил оттуда

кольцо. Массивное, больше похожее на оловянное, сплошь в мелких царапинах, украшенное непонятным камнем.

– Первый артефакт, который сделал мой отец, – объяснил он, – позволяет проявить и направить магические силы. Оно, конечно, слабенькое, но до сих пор неплохо работает.

Димка хотел еще что-то сказать, но запнулся, и его глаза почему-то наполнились слезами. И мне кажется, дело было как раз в том, кому это кольцо раньше принадлежало.

Он лишь торопливо добавил в конце:

– На время поединка.

– На время поединка, – повторил я, – спасибо.

Байков кивнул, что-то выискивая на земле, и отступил назад.

Стоило ему удалиться, как рядышком появилась Зыбунина. Катя все это время почти не разговаривала со мной. Собственно, у нас и тем-то особых для беседы не было. Ну, сидим за одной партой, и что? Она витает в своем мире, я в своем. О данном обещании тоже напоминать не хотелось. Как бы это вообще выглядело? В какой-то момент я даже решил, что она забыла или уже пожалела о сказанном. Выходило, что нет.

Пальцы Зыбуниной словно порхали вдоль моего тела. Она не касалась меня, но я чувствовал жар ее рук. Волосы на коже встали дыбом, а внутри появилось странное воодушевление. Волны тепла накатывали одна за другой с каждым новым взмахом ведьмы. И что интересно, глаза Кати станови-

лись все более зелеными, словно два крупных изумруда, найденных на рассвете.

– Основная защита физическая, но еще я наложила пару стихийных. На всякий случай, – шепнула она.

Я даже поблагодарить не успел.

– Стороны готовы? – спросил Козлович.

Куракин порывисто кивнул и подошел к куратору. Я помедлил, надевая кольцо – оно пришлось по размеру лишь на большой палец, – и присоединился к противнику.

– Стандартная дуэль на пятидесяти шагах до обильного кровотечения или сильного ранения между учеником Куракиным и учеником Кузнецовым. Оружие... рогатки предоставляет ответчик.

Я положил две абсолютно одинаковые рогатки на миниатюрный высокий столик, давая возможность высокородному выбрать ту, которая ему больше понравится. Куракин чуть замешкался и взял дальнюю от себя.

– Снаряды, – Козлович указал на множество рассыпанных железных шариков.

Я набрал горсть и набил ею карман. Куракин тоже не стал жадничать.

– Расходимся.

Наши места были определены белыми камешками. Пятьдесят шагов – это больше тридцати метров. Для новичка, державшего рогатку всего пару дней, расстояние приличное. Признаться, оно и для меня не сказать чтобы плевое.

По кодексу, мы могли уворачиваться. Но вместе с правилами писаными существовали и неписанные. Так считалось не просто хорошим тоном, а скорее обязательным, не сходить с места. Стрелять предполагалось исключительно по очереди. Ну, раз я такой весь неблагородный, сам и начну.

Железный шарик просвистел, быстро сокращая расстояние между мной и Куракиным, стал резко замедляться, после чего упал у его ног. Чертовы защитные заклинания! Высокородный не скрыл улыбки, нарочито медленно примериваясь к рогатке. Вот только его выстрел ушел в молоко, и снова настал мой черед.

Не скажу, чтобы дуэль происходила из ряда вон эффектно. Это можно было назвать вялым пинг-понгом. Куракин промахивался, мои же выстрелы гасила магическая защита. Да, с каждым разом удавалось подобраться все ближе. В последний из выстрелов высокородный даже легонько дернулся, а шарик все-таки задел его бок.

Я действительно обрадовался, что скоро все закончится. Солнце припекало довольно ощутимо. Пот струился со лба, глаза щипало, вдобавок почему-то начало сводить руку. Странно, когда я тренировался прежде, подобного не было.

Пренебрежение противником сыграло злую шутку. Я как-то привык к неудачным попыткам Куракина. Поэтому железный шарик, который изначально полетел в сторону, вдруг изменил траекторию, наливаясь огнем. Удар пришелся в грудь. И несмотря на все виды защиты, меня опрокинуло на зем-

лю с такой мощью, будто неведомая сила решила вытряхнуть все кости из тела. Звуки слились в один протяжный вой, реальность поплыла перед глазами широкими мазками кисти, и во рту появился привкус железа.

Я медленно, шаря руками по земле, поднялся на ноги, пытаясь собрать единую картинку в кучу. Сплюнул кровь на землю и вытер губы. Так, Куракин на месте. Козлович тоже. И второй что-то сердито выговаривает первому. До меня долетали лишь обрывки фраз: «нарушение кодекса», «применение атакующей магии», «поражение» и что-то еще. Не сразу, но до меня дошло. Куракин вместо разрешенной защитной магии решил перейти в наступление.

Злость стала подниматься из глубин души, ища выхода. Она напоминала полноводную реку после обильных ливней, навалившуюся всей своей тяжестью на старенькую дамбу. У последней просто не оказалось шансов выстоять. Но было еще кое-что любопытное. Вместе со злостью приходила сила. Я чувствовал ее, ощущал каждой клеточкой. Хотел еще большего могущества.

И вот тогда плотина рухнула. Подобного я не испытывал никогда. Эйфория была такой пронизывающей, что на мгновение заполнила собой всю реальность. Остались лишь странные, непохожие на нормальных людей образы и непонятные здания вдалеке. Мое тело конвульсировало от наслаждения и вместе с тем набирало силу. Ту, которая не могла найти выход раньше.

Когда звуки, запахи и зрение вернулись ко мне, я знал, что делать. Крепкой рукой я поднял рогатку и вложил железный шарик в кожеток. Козлович направлялся к Куракину, но при этом не загородил мне мерзавца. Я легко поднял оружие, вложив в выстрел всю силу, и отпустил резинку. И ощутил странное чувство всевластия и общего понимания. Я знал, что произойдет с носом высокородного до того, как снаряд достиг цели. А когда раздался сочный хруст, только улыбнулся.

Я вновь ощущал его. Тот самый управляемый смерч. Теперь он находился внутри меня и лишь набирал мощь. Не было ничего, что могло бы быть мне не под силу. Я всемогущ.

Якут появился передо мной так же неожиданно, как возникал на тренировках. Учитель медленно, но крепко взял меня за руки. Он говорил странные слова, значения которых оставались загадкой. Но перестать слушать его было выше моих сил. Когда Якут замолчал, жаркое солнце погасло, а все вокруг затихло. И я заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.